

48 коп.

КРЕСТЬЯНСКОЕ
ЖИЛИЩЕ
В КОМИ
АССР

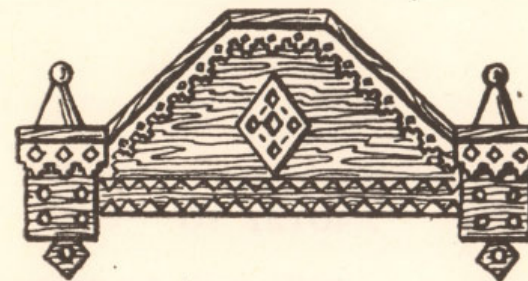

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Л. Н. ЖЕРЕБЦОВ,
кандидат исторических наук

КРЕСТЬЯНСКОЕ
ЖИЛИЩЕ
В КОМИ
АССР

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СЫКТЫВКАР 1971

*Любомир Николаевич
Жеребцов*

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЖИЛИЩЕ
В КОМИ АССР

Оформление М. Безносова
Редактор Т. Чукичева
Техн. редактор И. Цивунин

Сдано в набор 23.II-1971 г.
Подписано к печати 1/VII-71 г.
Формат 70×84¹/₁₆ Бум. л. 3,0.
Печ. л. 7,02. Уч.-изд. л. 5,35.
Ц00799. Тираж 1000.
Заказ № 1240. Цена 48 коп.
Коми книжное издательство.
Дом печати.

г. Сыктывкар. Республиканская
типография Управления по печати
при Совете Министров Коми АССР.

ОТ АВТОРА

Народное зодчество в Коми АССР имеет свои особенности, свои характерные черты, отличающие его от построек всех соседних народов. Эта специфика вырабатывалась в течение многих веков. Руками безвестных народных мастеров были созданы соответствующие местным природным условиям и отвечающие народным вкусам типы жилых и хозяйственных построек.

С 1950 г. Коми филиал АН СССР проводит систематические этнографические исследования культуры и быта населения Коми АССР. С этой целью организуются ежегодные экспедиции, которыми собран богатый материал по народному жилищу, до сих пор почти не опубликованный. Имеющиеся отдельные статьи по истории народного жилища коми и общие этнографические монографии не освещают всей полноты народного зодчества в Коми АССР.

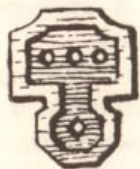
В настоящей работе автор также не ставит задачу дать систематическое описание всего многообразия бытующих в настоящее время типов жилых и хозяйственных построек в Коми АССР. Задача данной книги состоит в том, чтобы на примерах отдельных построек показать богатства народной архитектуры, через описание наиболее типичных памятников раскрыть перед читателем своеобразие местного зодчества, подчеркнуть особенности, характерные только для жилища народа коми, а также оттенить наличие большого русского культурного влияния на народное зодчество коми.

Жилые и хозяйственные постройки являются важнейшим элементом традиционной народной культуры. Они наиболее наглядно свидетельствуют об уровне ее развития, о ее богатстве.

Изучение народного зодчества не только дает ценный материал по истории культуры, оно имеет и практическое значение. Многовековой опыт народных мастеров необходимо использовать и в современном строительстве, особенно в области декорирования зданий, с тем, чтобы придать им национальный колорит.

Исходя из этих целей, автор богато иллюстрирует книгу фотографиями, рисунками, чертежами. Это позволит читателю самому оценить собранные в книге памятники народного зодчества.

Безусловно, к настоящему времени выявлено еще далеко не все. Многие яркие, уникальные сооружения народных мастеров остаются неизвестными. Автор надеется на то, что читатели этой книги возьмут на себя благородный труд по выявлению и охране памятников народного зодчества в Коми АССР.

ПАМЯТНИКИ НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА И ИХ ОХРАНА В КОМИ АССР

С самых первых дней Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин неустанно заботился о сбережении и охране памятников культуры. По его инициативе были реставрированы многие здания Московского Кремля и Красной площади (Успенский собор, собор Василия Блаженного и т. д.). Сохранение памятников культуры обеспечивалось изданными в стране строгими революционными законами.

Марксизм-ленинизм считает творцом истории народные массы. Именно они создают ценности культуры. Поэтому-то и светская, и церковная архитектура, убранство дворцов и соборов не было заслугой господствующих классов, а было созданием народных умельцев, народных мастеров и должно было принадлежать народу, должно было вернуться к народу и служить его интересам.

Все предшествующие века в России господствовала религиозная идеология. Искусство могло жить и развиваться только в рамках религии. Только в религиозной оболочке могли народные мастера воплощать свои идеалы, свои мечты и думы. Но поскольку жизнь была сильнее религиозных догм, она прорывалась сквозь их тесные рамки и накладывала свой отпечаток на создания народных умельцев. Именно поэтому мы видим сейчас в церквях и соборах не божьи храмы, а па-

Рис. 1. Стефановский собор в г. Усть-Сысольске (фото начала XX в.).

мятники искусства народов нашей страны. И разве не украшают наши города эти замечательные сооружения старинных мастеров, разве не доставляет нам радость созерцание таких уникальных памятников архитектуры, как Кижи, ансамбли Суздаля и многих других городов страны?

Следует помнить, что вся древняя архитектура нашей страны — и культовая, и гражданская — является великим вкладом народов Советского Союза в сокровищницу мирового искусства. Памятники культуры являются нашей национальной гордостью.

Памятники культового церковного зодчества могут служить прекрасным материалом для атеистической пропаганды. Неоценимо значение памятников культуры в эстетическом воспитании советского человека. Творения древних зодчих, живописцев, ювелиров, ковровщиц и многих-многих других являются вкладом в мир прекрасного, к которому человек стремится всегда и везде.

Памятники истории и культуры нужны нам и сейчас в нашем повседневном строительстве, в создании нашей культуры. Есть чему поучиться у наших старых зодчих и мастеров и теперешним архитекторам, художникам, строителям.

Огромно значение памятников истории и культуры в коммунистическом воспитании человека, его патриотизма.

К сожалению, у нас в республике все еще встречается некоторая недооценка культовых зданий как памятников народного зодчества. В Сыктывкаре по-настоящему красивых, ярких памятников культового зодчества уже нет. Они были разрушены в тридцатых годах. Но в других районах нашей республики еще немало храмовых зданий ветшает без присмотра. Разрушается собор в с. Вотча, гибнут в нем настенные фрески, уничтожается ансамбль Ульяновского монастыря, почти ничего не осталось уже от Усть-Вымского комплекса церковных зданий и т. д. (рис. 1, 2).

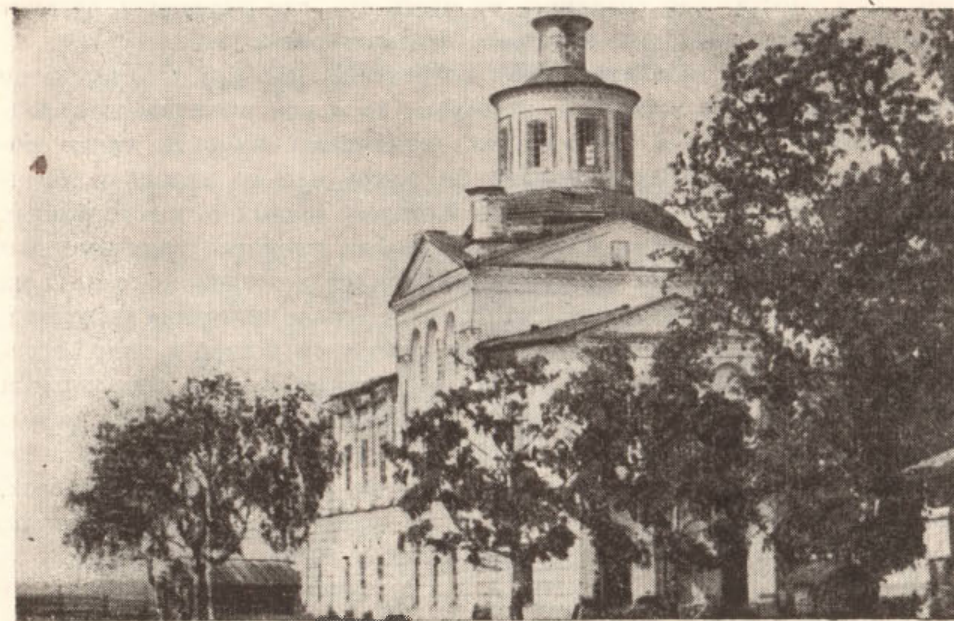

Рис. 2. Церковь в с. Вотча (Сысольский район, фото 1959 г.).

А как разнообразно и богато народное деревянное зодчество! Сколько своеобразных и ярких типов жилых и хозяйственных построек существует в Коми АССР.

Народное зодчество коми складывалось и развивалось в тяжелых условиях сперва феодального, а затем и капиталистического строя. Оно подвергалось воздействию вековых предрассудков. Но, несмотря на нищету и гнет, народ творил, создавал и строил. Создавая жилища, обстановку в них, различные предметы быта и домашнего обихода, народные мастера стремились удовлетворить не только материальные потребности, но и эстетические запросы людей, стремились делать вещи не только полезными, но и красивыми. Эта сторона народного искусства особенно специфична для зодчества, и крестьянские постройки ярко отражают эту особенность.

Необходимо изучить и выявить наиболее яркие по изготовлению постройки и сохранить их как памятники народного мастерства, народного зодчества. Далеко не всегда необходимо переносить в музей весь дом. Достаточно сохранить ту часть его, где находится предмет искусства: часть охлупня, наличник, деталь ворот и т. д.

Не меньшее значение имеет сохранение изделий в качестве не только памятников истории и культуры, но и как памятников народного быта, жизни. В этом случае необходимо выбрать такие постройки, которые характеризовали бы жизнь нашего народа в прошлом. И сохранить их целиком, весь комплекс жилых и хозяйственных сооружений. Необходимо выбрать постройки наиболее типичные для отдельных районов, для определенных классов и сословий со всей их типичной обстановкой. И это уже будет не только памятник искусства, но и памятник народного быта. Такие комплексы построек надо сосредоточить в одном месте. Для них необходимо создать специальный музей. Такие музеи с памятниками народного быта особенно важны теперь, когда жизнь быстро изменяется и молодое поколение не в состоянии представить себе картину жизни не только дальних предков, но даже отцов и дедов. И не зная ее, не может наглядно представить, какие колоссальные изменения произошли в жизни нашего народа за пятьдесят лет Советской власти. А раз не может понять, то не может и правильно оценить. Нет лучшего доказательства молодому человеку, чем живая наглядность, возможность самому сравнить старую жизнь

Р и с. 3. Тип дома удорского крестьянина конца XIX — начала XX вв., приспособленный для торговых целей: в нижнем этаже была лавка. Охлупень его украшен очень реалистично вырезанным изображением коня (д. Муфтыга, фото 1954 г.).

с современной. А такой музей народного быта до сих пор в Коми АССР не создан.

Но не только в музеях следует собирать и беречь памятники народного мастерства. Памятники архитектуры прошлых веков надо реставрировать и беречь прямо в тех местах, где они построены. В каждом районе есть свои типичные жилые и хозяйственные постройки, есть предметы народного искусства. И каждый должен принять деятельное участие в сборе и охране памятников культуры и истории.

В 1966 г. было создано Общество охраны памятников истории и культуры. Его главной целью является привлечение широкой общественности и населения к участию в выполнении государственных задач в области охраны памятников истории и культуры, превращение дела охраны народного достояния, каким являются памятники, в подлинно всенародное дело. Общество обязуется распространять среди на-

селения научные знания о памятниках, организовывать практическое участие общественности, населения в мероприятиях по учету и сбережению памятников истории и культуры и обеспечению их образцового содержания, проводить мероприятия, способствующие идейному и эстетическому воспитанию членов общества, расширению их знаний об истории нашей Родины, о культурном наследии советского народа.

Охрана памятников остается по-прежнему в ведении государства. Дело Общества — всемерно помогать ему в выполнении этой задачи. Надо учиться у В. И. Ленина его отношению к нашему культурному наследию, неустанно воспитывать в народе понимание ценности введенных ему Великим Октябрем сокровищ прошлого, беречь и гордиться ими.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОГО ЖИЛИЩА КОМИ

Изучение поселений и жилищ — важнейших элементов материальной культуры — имеет большое значение как для изучения истории народа, так и для практического жилого строительства. Подъем производства в нашей стране способствует росту материального и культурного уровня населения, который в свою очередь вызывает увеличение масштабов строительства. Требовательность к строителям и проектировщикам значительно повысилась. Современные жилища должны быть удобны, они должны соответствовать потребностям жителей. Изучение народного зодчества помогает строителям правильно разрешать стоящие перед ними задачи. Они получают возможность в своей работе опираться на многовековые традиции крестьянского строительного мастерства.

В этнографической литературе, как в старой, так и современной, нет специального исследования по этому вопросу. В то же время нельзя сказать, чтобы этнографы (и ученые, и любители) совершенно упускали его из виду. В печатных изданиях, начиная с конца XVIII в. и особенно в XIX в., появляется немало статей и заметок, характеризующих коми (зырян). В большинстве из них авторами обращено некото-

рое внимание и на народное жилище. Таким образом, крестьянские постройки XIX в. могут быть довольно ясно восстановлены на основании этих, к сожалению, весьма кратких описаний. Из имеющихся публикаций прежде всего заслуживают упоминания «Дневные записки» И. Лепехина, путешествовавшего по краю Коми в конце XVIII в. и оставившего нам, хотя и чрезвычайно краткую, но весьма выразительную характеристику народного жилища того периода¹.

Большое значение для развития этнографического изучения России имело создание в 1845 г. Русского географического общества, деятельность которого нашла широкий отклик среди самых различных слоев населения России. Развертывается этнографическая работа и на местах, в том числе и в Коми крае. В нее включаются учителя, священники и чиновники. Начинают появляться в местной прессе статьи и заметки этнографического характера. Основными изданиями, где они помещались, были Вологодские и Архангельские губернские ведомости. В меньшем количестве они встречались в центральных газетах и журналах. Так, много статей в 60-х годах было написано Усть-Сысольским уездным учителем М. Михайловым. Крестьянские постройки середины XIX в. довольно основательно описаны им в статье «Домашний и семейный быт зырян»². Автор в этой работе останавливается и на внешнем виде дома (*керка*), и на внутренней планировке его. Значительно более кратко охарактеризованы им хозяйственные постройки. Весьма добросовестно описано жилье крестьян Яренского уезда в статье В. Аврамова «Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт». В ней приведены интересные цифры распространности курных и белых изб по уезду³.

В конце III четверти XIX в. в этнографической литературе начинают появляться первые сводные труды по этнографии коми (зырян). Из них, прежде всего, должна быть упомянута работа К. Попова. Этот автор считает, что опубликованные до него статьи, посвященные культуре и быту зырян, часто поверхностны и даже ошибочны, и по-

¹ И. Лепехин. Дневные записки. СПб., 1805, ч. III.

² М. Михайлов. Домашний и семейный быт зырян. Журнал Министерства внутренних дел, 1852, кн. III.

³ В. Аврамов. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт. Вологодские губернские ведомости, 1859, №№ 28—45.

Р и с. 4. Характерный тип крестьянских жилищ конца XIX — начала XX вв. в юго-восточной части Коми края (с. Богородск, фото 1957 г.).

этому пытаются на основе критического их осмысления дать более правильный общий очерк этнографии народа коми. Однако выводы его также страдают явной тенденциозностью и в итоге ошибочны, ибо К. Попов доходит до утверждения, что «зырян даже нельзя считать народом и если мы употребляли иногда это слово, то только потому, что не придумали другого подходящего выражения»¹. Объясняется такой вывод тем, что он не сумел разобраться в сложном сплаве народной культуры коми и безоговорочно признал ее полностью заимствованной от русских. Так, описав жилище, он сделал вывод, что нынешнее устройство избы зырянина со всеми ее принадлежностями, «кроме несущественной — окна на печке, чисто русское...»². Таким образом, не только к выводам автора, которые для нас совершенно неприем-

¹ К. Попов. Зыряне и зырянский край. Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, М., 1874, кн. III, вып. 2.

² К. Попов. Там же.

лемы, но и к изложенному им материалу приходится относиться с большой осторожностью, так как возможна тенденциозная подборка его.

В те же годы появляются большие статьи по удорским коми И. Попова¹, Н. Д. Волкова². В первой из них жилище охарактеризовано кратко, отмечены только его наиболее характерные особенности. Вторая дает более подробное описание, но страдает неточностями, которые объясняются, видимо, тем, что автор писал с чужих слов, не побывав на месте.

Можно упомянуть книгу «Обозрение Печорского края архангельским губернатором действительным статским советником князем Н. Д. Голицыным летом 1887 г.», в которой описаны жилые и хозяйственные постройки ижемцев II половины XIX в.³

Большой интерес представляет работа профессора Казанского университета И. И. Смирнова «Пермяки»⁴. Правда, автор обращает основное внимание не на коми-зырян, а на коми-пермяков, однако при описании их культуры и быта он приводит примеры по обоим народам, и, в частности, описав пермяцкое жилище, делает попытку наметить в общих чертах историю развития жилища у коми (и пермяков, и зырян), которая, впрочем, в настоящее время не может быть признана удачной, ибо автор был ограничен в материалах и стоял на неправильных методологических позициях.

В конце XIX — начале XX вв. появляются издания литературно-повествовательного профиля, как, например, рассказы А. В. Круглова⁵ и книги Л. Засодимского⁶, в которых авторы также уделяют внимание крестьянским постройкам. Интересные сведения по ижемскому жилищу можно почерпнуть из книги С. В. Мартынова о Печорском крае⁷.

¹ И. Попов. Черты из быта, нравов и обычаев зырян Яренского уезда Удорского края. Вологодские губернские ведомости, 1875, №№ 89—91.

² Н. Д. Волков. Удорский край. Вологодский сборник, Вологда, 1879, т. I.

³ Н. Д. Голицын. Обозрение Печорского края, Архангельск, 1888.

⁴ И. И. Смирнов. Пермяки. Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Казань, 1891, т. IX, вып. 2.

⁵ А. В. Круглов. Лесные люди. М., 1910; он же. В северных лесах. СПб, 1895.

⁶ Л. Засодимский. В зырянском крае. СПб, 1895.

⁷ С. В. Мартынов. Печорский край. СПб, 1905, тт. I и II.

Следует упомянуть также работы К. Ф. Жакова¹ и П. Сорокина². Оба эти автора (по национальности коми) были профессорами в центральных научных учреждениях. Однако в этнографических исследованиях их точка зрения на народную культуру коми почти ничем не отличается от вышеописанного утверждения К. Попова. Они выступали сторонниками русификаторской политики царизма и были активными ее проводниками. Именно поэтому они старались доказать отсутствие национальной специфики в народной культуре коми.

Интересна статья Н. Харузина «Очерк истории развития жилищ у финнов», в которой он стремится наметить общую схему развития жилищ всех народов финской языковой группы, в том числе и коми, от простейших типов его (шалаш, землянка) до большого срубного дома. При этом он стоит на той точке зрения, что срубные постройки заимствованы финскими народами у их соседей — славян и тюрков. Говоря конкретно о жилище коми, Н. Харузин заявляет, что «если сравнить избы русских с таковыми же зырян и русских карелов, нельзя не заметить между ними полного сходства; существующие различия заключаются только в мелочах»³.

Не отрицая большого прогрессивного влияния культуры русского народа на коми и признавая появление многих типов жилых и хозяйственных построек у коми под русским влиянием, нельзя согласиться с тем, что это было пассивное заимствование, что народ брал готовые типы и формы построек и механически переносил их к себе, не изменяя, не приспособляя их к своим потребностям. Именно поэтому, что восприятие народом коми русской культуры было творческим процессом, возможны были широкие заимствования при сохранении своей национальной специфики. Народ коми не механически воспринимал русскую культуру. Он перерабатывал ее, приспособляя к своим интересам, что и приводило к органическому слиянию заимствований с местной собственно коми культурой. Народ воспринимал этот сплав как исконно свой, национальный. Процесс развития крестьян-

ских жилых построек был значительно более сложным, чем представляли себе Н. Харузин и прочие авторы того времени. Поэтому-то схемы, созданные ими, оказались ошибочными, надуманными.

Из нерусских авторов попытку наметить историю развития простейших типов жилища у народов финно-угорской языковой семьи предпринял финский ученый У. Т. Сирелиус в работе «О примитивных жилищах финских и обско-угорских народов»¹. В этой статье имеется большой фактический материал по простейшим жилым постройкам всех финно-угорских народов, в том числе и коми. Автор начинает свое описание с различных типов шалашей и заканчивает примитивными срубными избушками. В целом же схема его также явно искусственна. Истории развития жилища коми (зырян) У. Т. Сирелиус посвятил специальную статью: «Зырянское жилище на различных стадиях его развития»², в которой пытается наметить этапы развития и сложения жилища коми (обе его работы опубликованы на немецком языке).

Особенно широкие горизонты открылись перед этнографами после Великой Октябрьской социалистической революции. Этому способствовала вся политика Коммунистической партии по национальному вопросу, задачи которой на X съезде КПСС были сформулированы следующим образом: «...помочь трудовым массам не великорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (...) для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-

¹ К. Ф. Жаков. Этнологический очерк зырян. Живая старина, 1901, вып. 1.

² П. Сорокин. Современные зыряне. Известия Архангельского общества изучения русского севера, 1911—1922.

³ Н. Харузин. Очерк развития жилища у финнов. Этнографическое обозрение. М., 1895, тт. XXIV и XXV.

¹ И. Т. Sirelius. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker, Finnisch-ugrische Forschungen, Helsingfors (Helsinki), 1906—1911, band VI-XI.

² И. Т. Sirelius. Die syrjänische Wohnung in ihren verschiedenen Entwicklungsstadien. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia, Helsinki, 1928, в. 58.

партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения»¹.

Для осуществления этих задач необходимо было глубокое изучение культуры и быта народов. В г. Усть-Сысольске (ныне Сыктывкар) возникло общество по изучению Коми края, издавшее 5 выпусков своих «Записок». Был открыт специальный краеведческий отдел в ежемесячном общественно-экономическом журнале «Коми му» (Зырянский край). Однако этнографических работ во всех этих изданиях помещено было мало. Крестьянского жилища, в частности, касается всего одна небольшая статья В. П. Налимова о материальной культуре коми².

В 1945—52 гг. Институтом этнографии АН СССР было организовано несколько этнографических экспедиций с целью глубокого изучения культуры и быта народа коми. Основную работу по сбору материалов проводила научный сотрудник этого института ныне доктор исторических наук В. Н. Белицер. Ею опубликован ряд отчетов о результатах экспедиций³, а также капитальная монография по этнографии народов коми⁴. Ею же написана статья «Коми» в многотомнике «Народы мира»⁵ и т. д. В. Н. Белицер описывает в них современное крестьянское жилище и хозяйственные постройки, выделяет их основные типы. Данные ею характеристики типов современного жилища народа коми в основном правильны. Но иногда в качестве типичных выделяются редко встречающиеся и не характерные формы.

В последние годы автором данной работы опубликовано несколько статей, касающихся истории развития современных жилищ и хозяй-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Госполитиздат. 1953, изд. седьмое, ч. I, стр. 559.

² В. П. Налимов. К материалам по истории материальной культуры коми. Коми му (Зырянский край). Усть-Сысольск, 1925, 2—5.

³ В. Н. Белицер. Работа этнографического отряда комплексной экспедиции в Коми АССР. Краткие сообщения Института этнографии. 1952, вып. XIV; Этнографические работы в Удорском районе Коми АССР. Краткие сообщения И. Э. М., 1953, вып. XIX и другие.

⁴ В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов коми (зырян и пермяков). Труды И. Э., новая серия, т. XLV, Москва, 1958.

⁵ Народы Европейской части СССР, ч. II. Издательство «Наука», Москва, 1964.

ственных построек народа коми¹. Как для их написания, так и для настоящей работы основным источником служили полевые этнографические материалы, собранные автором в 1950—1966 гг. во время поездок по Коми АССР.

Таким образом, жилище коми XIX—XX вв. вполне отчетливо вырисовывается на основе вновь собранных материалов и имеющихся этнографических публикаций. Однако этнографы обращали основное внимание не на архитектурную сторону построек, а на их бытовое назначение. Они выделили наиболее характерные типы жилища, выявили его специфику, но искусствоведческие задачи ими не ставились. Народное зодчество в целом ими не изучалось, и памятники народного зодчества специально не выявлялись и не пропагандировались.

О ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Большинство современных поселений коми возникло в исторически сравнительно недавнее время, и история их может быть прослежена по документам со времени основания вплоть до наших дней. На этих нескольких страницах дается очень краткий очерк расселения коми по территории Коми АССР с указанием времени возникновения (или первого упоминания в документах) более значительных поселений. Наиболее древние из них появились в XI—XIV вв. н. э. в бассейне Вымы, Сысолы и верхней Лузы. К сожалению, письменных документов, в которых бы упоминались названия первых поселений, пока не найдено. Впервые мы встречаем указания на существование селений Усть-Вымь и Княжпогост в «Житии св. Стефана Пермского», написанном в конце XIV в.²

¹ Л. Н. Жеребцов. Опыт изучения крестьянского жилища народа коми. Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1956, вып. 3; Л. Н. Жеребцов и Л. П. Лашук. Старая Вишера. Ист.-фил. сб. Сыктывкар, 1958, вып. 4; Они же. Этнографический уклад населения верхней Вычегды. Ист.-фил. сб. 1960, вып. 5; Л. Н. Жеребцов. К истории развития народного жилища коми. Ист.-фил. сб. 1960, вып. 6; Они же. О русских заимствованиях в народном жилище коми. Известия Коми филиала ВГО, 1962, вып. 7.

² Епифаний Премудрый. Житие св. Стефана Пермского. Изд. Археологической комиссии, СПб., 1897.

Значительно более подробными становятся сведения о поселениях в документах XV—XVI вв. Так, например, в «Жалованной грамоте великого князя Ивана III пермскому епископу Филофею» от 1490 г.¹ перечислены «владычный город Устьвымский», погосты Аквад, Вожем, Тыдор, Вездин и деревни Иб, Коквицы, Базлук и Ванвиздин (названия здесь даны так, как они написаны в документах того времени). Кроме того, косвенные данные позволяют полагать существование на Вашке (Удоре) погоста Важгорт (в грамоте упоминается никольский поп на Удоре, а храм Николая чудотворца в последующие века находился именно в Важгорте)².

В грамоте великопермского и вологодского епископа Киприана от 1554 г. отмечены в Удорском крае на верхней Мезени Глотовы Слободка и Кослан³.

Наиболее подробным источником сведений о поселениях служат писцовые книги. Древнейшими из известных сейчас являются книги 1585—86 гг. и 1608 г. (Писцовая книга 1585—86 гг. сохранилась не полностью). Наиболее заселенной частью края Коми в XV—XVI вв. по-прежнему были бассейны Выми, Сысолы и верхней Лузы. На вымской земле в 1608 г. существовали 1 посад (Турья), 14 погостов и 36 деревень. В их числе, кроме уже упоминавшихся выше, были: Ляли, Серегова гора, Кошки, Шошки, Онежье, Весляна и другие. Да на Вычегде имелись Межог, Жешарт, Гам и Шежем. По тем же данным, на Сыsole поселений и жителей было значительно больше, чем на Выми. Почти все современные крупные поселения упоминаются в переписи 1608 г. (например, погосты Шошка, Иб, Визинга, Кебра, Пажга, Межадор и т. д.)⁴.

Поселения по верхней Лузе (Лузская Пермца) в XVI—XVII вв. административно с Яренском (центром Устьвымского уезда) не были связаны. Лузская Пермца находилась в подчинении г. Сольвычегодска (Усольский уезд). Местность эта была довольно густо заселенной.

¹ Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958, вып. 4, приложение.

² Л. Н. Жеребцов. К вопросу о заселении Вашки. Известия Коми филиала ВГО. Сыктывкар, 1957, вып. 5.

³ Л. Н. Жеребцов. О времени появления коми на верхней Мезени. Известия Коми филиала ВГО. Сыктывкар, 1955, вып. 3.

⁴ Писцовая книга Яренского уезда от 1608 г., сб. «Акты времени правления Василия Шуйского», М., 1914.

Писцовая книга 1645 г. дает сведения о большинстве ныне существующих поселений бассейна Лузы и Летки (Лойма, Ношуль, Спаспурб, Объячево и т. д.). Значительно меньше был заселен в XVI—XVII вв. Удорский край. На Вашке в 1608 г. было всего 3 погоста (Важгорт, Вендинга и Кривой наволоок), 13 деревень, в числе которых отмечены Ертома, Иба, Чирка, Остров, Усть-Пучкома, Коптюга, Чернутьевская и т. д., 2 починка: Власки Трифонова и «на Усть-Пысы реки». А на верхней Мезени в Глотовой Слободке и Кослане было всего 10 поселений, в том числе 2 упомянутых уже погоста, и 8 деревень (Вылиб, Буткон, Разгорт и т. д.)¹.

Еще слабее были заселены берега рек Вычегды выше Усть-Выма и до истоков и Печоры с притоками. В 1608 г. по всей верхней Вычегде имелось всего два погоста «на Усть-Сысолы реки» и Вишера, деревни Коквица, Палевица, Часовая, Большой луг и несколько починков: Верхний Зеленец, Другой Зеленец, Пезман, Маджа и другие, главным образом, вокруг погоста Усть-Сысола². А на Печоре писцы отметили только две слободки: Усть-Цильму и Ижму, которые были «отписаны к Пустоозеру». Усть-Цильма была основана новгородцем Ивашкой Ласткой до 1545 года, а Ижма появилась около 1567 г. Основателем ее был выходец из Глотовой Слободки³.

В последующие века, начиная со II пол. XVII в. и особенно в XVIII в., происходил дальнейший рост населения в крае, появляются новые населенные пункты, причем особенно быстро именно на верхней Вычегде и Печоре. Уже в 1646 г. к погосту Вишера было приписано 10 новых поселений, в числе которых «погостец Усть-Кулом» и деревни Небдино, Сторожево, Керчема, Усть-Нем и т. д. К 1678 г. вокруг погостов Усть-Кулом и Усть-Нем было уже 11 мелких поселений (Деревянный краж, Ручь, Помоздин, Пожег и даже починок Кузьминский на Печоре, «на усть речки Мылвы», основанный в 1674 г., — будущий Троицко-Печорск)⁴.

В XVIII в. волна переселений охватывает также и бассейн

¹ Л. Н. Жеребцов. О времени появления коми...

² Н. Н. Чебоксаров. Этногенез коми по данным антропологии. Советская этнография. 1946, 2, стр. 64.

³ Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955, т. I, стр. 77—78.

⁴ Л. Н. Жеребцов, Л. П. Лашук. Старая Вишера. Ист.-фил. сб., Сыктывкар, 1958, вып. 4.

Печоры. В самом начале этого века возле Ижемской слободки появляются новые деревни: Мохча, Бакур, Сизябск и Варыш. К концу века в 1787 г. на верхней Печоре около погоста Печора имелось уже 13 новых поселений. Основание населенных пунктов по Печоре и ее притокам продолжалось в течение всего XIX в., а по р. Усе даже и в начале XX в.¹ Одновременно с заселением новых территорий в XVIII—XIX вв. происходило, хотя и медленно, появление новых деревень в старых районах расселения: на Выми и Удоре, на верхней Вычегде², на Сыsole и на Лузе. В этот период произошло, например, освоение бассейна р. Локчим, притока Вычегды и др.

Таким образом, устанавливается, что большинство современных сел и деревень возникло до XVIII в. В XIX в. основание новых поселений заметно сокращается. Оно происходит главным образом на севере, в бассейне Печоры. В XX в., особенно после Великой Октябрьской революции, новые сельские поселения вообще перестают появляться. Для современного периода истории Коми АССР характерно основание новых рабочих поселков. Вырастают и новые города. До 1917 г. на территории коми был всего один Усть-Сысольск, в 1780 г. преобразованный из погоста в город. За 50 лет существования Советской власти в Коми республике выросли 6 новых городов-промышленных центров (Воркута, Инта, Печора, Сосногорск, Ухта, Микунь), а различных рабочих поселков выстроено за это время несколько сотен³.

Одновременно следует отметить и то, что для последних 150 лет наиболее характерным становится процесс укрупнения существовавших поселений. Распространяется слияние нескольких мелких деревень в одно большое село. XIX в. можно считать временем сложения крупных поселений у коми. Причинами этого были как естественный прирост населения в деревнях, так и экономические условия: выгодное географическое расположение, превращение в торговый или административный центр и т. д.

¹ Л. П. Лашук. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958.

² Л. Н. Жеребцов, Л. П. Лашук. Этнографический уклад населения верхней Вычегды. Ист. фил. сб., Сыктывкар, 1960, вып. 5.

³ Коми АССР, административно-территориальное деление на 1 января 1960 г. Сыктывкар, 1961.

В советское время этот процесс, особенно слияние мелких деревень, вызванное укрупнением колхозов и совхозов, еще более усилился.

КАКИЕ ТИПЫ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ БЫЛИ ПРЕЖДЕ В КОМИ КРАЕ

Типы поселений XVI—XVIII вв. устанавливаются лишь на основании письменных документов, и поэтому нам известны только русские наименования их, так как местные коми термины тех времен в источниках отсутствуют. Можно выделить 7 типов поселений различного назначения — погост, деревня, починок, выставок, слобода, посад и укрепленный городок. Предположительно можно считать, что коми название деревни — *сикт* — очень древнее.

Наиболее распространенным типом поселения была деревня — неукрепленный поселок, окруженный обработанными полями. В них жила основная масса местного населения. В XVI—XVII вв. деревни представляли собой небольшие населенные пункты из 1—5 дворов, редко больше. Согласно грамоте 1490 г. в XV в. деревни состояли всего из одного двора. Так, например, при описании погоста Аквад указаны «в том же погосте деревни: во дворе Петруша да Якуш Володины дети, во дворе Ивашка Чажох, во дворе Володинской да в Егорьевской Гаврило да Ондрейко Володины дети, во дворе Бывшовской Гляпова сын его Ананко, во дворе в Демяновском Максимко Ивашков сын Ляпова, во дворе Помас Толмач да дети ево Сидорко да Остапко да брат Помасов Чирак да сын Чираков Пахомко да Гришка Кед...»¹.

Однако, если деревни состояли из одного двора, то из этого еще не следует, что во дворе имелся всего один жилой дом. Крестьяне, несомненно, жили тогда большими семьями, ибо так легче было вести хозяйство, и потому в зависимости от количественного состава семьи различным было и жилище. В вышеприведенной цитате во дворе Помаса Толмача жила явно большая семья, объединявшая хозяина, его

¹ Историко-филологический сборник, вып. 4, стр. 249.

брата, их детей и неизвестно в каких отношениях находившегося к ним Гришку Кеда (может быть он был принятым в дом зятем). Можно не сомневаться, что жилых изб в этом дворе было больше одной. В XVII—XVIII вв. число жителей во дворе было в среднем от 15—20 до 25—30 человек. Дворы с большим количеством людей весьма редки. В переписи 1720 г. в д. Озел описан двор Лыткина А. А., в котором обитало 42 человека¹.

В XVI в. в деревнях обычным являлось наличие 3—5 дворов, редко больше. Причем зачастую дворы располагались на значительном расстоянии друг от друга, ближе к своим полям. Именно поэтому писцы при описании таких деревень подчеркивали, что «дворы врозни». Например, в писцовой книге 1608 года сказано «деревня Коквица, дворы врозни: двор Васька Яковлев средний, двор Пархачка Ондреев средний, двор Ивашко Ондреев молотчий, двор Семенка Миков да брат его Левка молотчие, двор бобыль Ивашка Парфенов, двор пуст Федьки Яковлева, умер во 105 году...»². С увеличением количества дворов их начали располагать более компактно. Деревня приобретает более современный вид, когда постройки в ней сосредоточиваются друг подле друга на небольшом расстоянии.

В деревне имелись только крестьянские жилые и хозяйственные постройки. Каких-либо иных, административных или культовых, строений в ней не было. Они находились в погостах, которые являлись административными и религиозными центрами для группы селений, нередко целой волости. Так, например, Косланская волость в 1608 году состояла из погоста Кослан и деревень Буткон, Екшера, Варыба, Ручей, Разварга и Вылюб. Впрочем, количество деревень и починков вокруг погоста могло быть значительно большим. Ношульский погост в 1645 г. объединял 42 деревни и починка, правда, из них обитаемых было только 16, остальные 26 пустовали, были покинуты жителями, сбежавшими в Верхокамье³. Вокруг старых погостов населенных пунктов было больше. Писцовая книга 1645 года, подчеркивающая недавнее образование Ляцкого (Летского) погоста, отмечает вокруг него только 5 деревень.

¹ Научный архив Коми филиала АН СССР (КФАН), ф. 1, оп. 11, д. 36.

² Писцовая книга 1608 г. Акты правления Василия Шуйского. М., 1914.

³ Научный архив КФАН, ф. 1, оп. 11, д. 31.

На погосте всегда стояла церковь, обычно деревянная, дворы церковного причта, различные административные постройки, а также торговые лавки и амбары. Нередко там же можно было видеть домишки нищих и бобылей, не занимавшихся сельским хозяйством. «Луцкие Пермцы в Ношульском приходе погост. А на погосте церковь Степана Великопермского чудотворца деревянна клетки,...Да на том же погосте церковных дворов: во дворе поп Евтифий Яковлев, во дворе дьячок Ивашка Елизаров, во дворе пономарь Васька Аникиев, во дворе проскурница Агафьица. На погосте же бобыльских дворов: во дворе Алешка Иванов, двор пуст вдовы Анютки нищие, двор пуст бобыля Якунки Дмитриева,... На той же церковной земле на берегу реки Лузы амбары для хлебные покупки, а приезжая в них торгуют и тамгу платят с жилых с осьми амбаров 16 алтын да пустых 18 амбаров развозили»¹.

Крестьяне обычно на погосте не жили, а обитали в окружающих деревнях и починках. Лишь в том случае, когда одна из деревень, вследствие постройки в ней церкви, становилась погостом, там сохранялись крестьянские дворы. К такого типа погостам относился, например, Кослан, на котором в 1608 г., кроме 4 дворов церковного причта и 3 бобыльских, были еще 7 крестьянских дворов. Позднее, в XVIII—XIX вв., вследствие роста населения и, следовательно, жилых дворов в деревнях, погосты слились с ближайшими деревнями. В памяти народа погост всегда представлялся деревней, отличительной чертой которой было наличие церкви. Именно поэтому разнозначным «погосту» термином у коми был *вичко-сикт*, буквально деревня с церковью.

Наряду с деревнями весьма распространенными были починки, представлявшие собой такую же маленькую деревушку в 1 (редко 2) двора. Починками назывались поселения, основанные между переписями. Такая деревенька, впервые попавшая в перепись и обложенная налогами, писцами называлась починком. («Починок на Мезени усть Пысы реки дворы врозни, стал внове после письма Ивана Огарева»)². При последующих переписях починок автоматически записывался уже деревней.

¹ Научный архив КФАН, ф. 1, оп. 11, д. 31.

² Писцовая книга 1608 г. АВШ. М., 1914, стр. 327.

Выселок практически не отличался от починка. Единственно, что можно отметить, это то, что он обычно основывался ближе к старой деревне, ближе к родственникам. В отличие от выселка выставок располагался за рекой.

В Коми крае было мало посадов и слободок. Первый является ремесленно-торговым населенным пунктом. Однако в Коми крае крестьяне, обитавшие в посадах, не отрывались от земледелия. Ремесло было развито слабо. Большое значение имела торговля с приезжими купцами. В документах XVI—XVIII вв. в местном крае встречается всего 1 посад — Турья на Выми. Второй небольшой посад возник возле Усть-Выма, являвшегося в XV—XVI вв. опорным пунктом пермских епископов: «Усть-Вымь Яренского уезда на Усть-Выми реки,— читаем мы в писцовой книге, 1608 г.— Вологодского и велико-пермского епископа городище... Да на городище владычне дворовое место, что был двор прежних епископов, да место осадное ивовских крестьян, да иных места владычных крестьян, и имен им не помнят». На посаде располагались 5 дворов причта, 3 кельи нищих, 27 крестьянских дворов. При этом, как видно из цитаты, сам владычный город запустел, и решающая роль перешла к соседнему посаду. В XVII в. Усть-Вымский посад еще более разрастается.

Столь же редкими, как и посады, в Коми крае были слободки. В писцовой книге 1608 года их названо всего 4: слободка Шульгина приписанная к погосту Усть-Сысола, Глотова слободка на верхней Мезени, Ижемская и Усть-Цилемская слободки, приписанные к Пустозерску. Главное отличие слобод состояло в том, что они образовались определенными лицами на основе специальной жалованной грамоты и новопоселенцы в течение нескольких лет пользовались льготами, освобождавшими их от уплаты налогов. Наиболее отчетливо это прослеживается на примере Усть-Цилемской слободки, так как жалованные грамоты ее основателю, новгородцу Ивашке Ласке, сохранились¹. В отличие от деревень и починков, слободки иногда были промысловыми поселениями, а не только земледельческими.

Особым типом поселения, существовавшим в XV—XVII вв. на территории Коми, был укрепленный городок, построенный с военно-обо-

роинной целью. В нем в обычное время никто не жил. Там хранилось различное вооружение, в частности, пушки. Окружающее население собиралось в них лишь в случае какой-либо военной опасности. В наиболее крупных городищах местными крестьянами строились отдельные осадные дворы (см., например, описание Усть-Вымского городища в жалованной грамоте 1490 г.).

Впрочем, уже к началу XVII в. это городки потеряли свое значение и начали разрушаться.

Из всех вышеописанных типов поселений XVI—XVIII вв. сельскими, в полном смысле этого слова, были деревни, починки, выставки и выселки. Из них наиболее распространенными были деревни.

В XIX в. вместо погостов появились села. Деревни и починки сохранились по-прежнему. Селом считалось крупное поселение при условии размещения в нем волостных учреждений. Наличие церкви не было обязательной особенностью села, так как их стали строить и в больших деревнях. Прежние посады и слободки также превратились в села. Характерной чертой сел и деревень XIX в. было их быстрое укрупнение. К концу века сложились поселения, состоявшие из нескольких сотен дворов. Так что в начале XX в. в Коми крае существовали, как основной тип населенного пункта, села и деревни. Кроме них, в крае было всего 4 рабочих поселка: Кажим, Нючпас, Нювчим и Серегово, которые отличались от деревень и планировкой, и местом расположения, и внешним видом (даже постройки в них были другие¹) и один город Усть-Сысольск.

КАК ВЫБИРАЛИСЬ НАЗВАНИЯ СЕЛ И ДЕРЕВЕНЬ

Изучение существующих названий поселений прежде всего дает ответ на вопрос, как возникали эти названия. Наиболее распространенным было наименование по месту расположения поселения: Шор-йыл (начало или исток ручья), Ягсикт (деревня на бору), Шормодар (деревня на другом берегу), Шорсай (Заручейная), Вадор (прибреж-

¹ Очерки по истории Коми АССР. т. I, стр. 77—78.

¹ Л. Н. Жеребцов. К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края. Ист.-фил. сб., Сыктывкар, 1962, вып. 7.

ная), Вылысгрезд (верхняя деревня) или же Подчерье (на р. Подчерем), Визинга (на р. Визинга), Емдин (на устье Выми), Куломдин (на устье Кулома), Дон (на берегу озера Донты), Синдор (на берегу озера Синдор), Иб (поле, возвышенность), Большелуг, Межог (межа), Межадор (деревня около межи или на меже), Важгорт (старая деревня), Вильгорт (новая деревня) и т. д.

Очень часто встречается наименование села по первому переселенцу или группе первых поселенцев: Захар-Вань (Иван Захарович), Пашкин-сикт (деревня Павла), Мальцевгрезд (деревня Мальцева), Митрофаново или же Силапиян (дети Силы), Ваньпи (сын Ивана), Маргопи (сын Маргариты), Китѳстав (деревня семьи Тита), Марколаста (пожня Марка) и т. д.

Реже встречаются названия, перевод которых затруднителен и смысл малопонятен. Так, село Керчемья, согласно легенде, получило будто бы свое название от шалаша из бревен (*кер чом*), построенного первыми поселенцами. А название с. Ношуль по такой же легенде производится населением от слов *ноша шуль* (связка лыка). Согласно этой легенде, местные жители продавали соседнему пермскому и русскому населению связками лыко для плетения лаптей и за это получили такое прозвище. Ясно, что это толкование звучит наивно.

Встречаются названия, которые вообще не характерны для коми: Палевицы, Зеленец, Черныш, Ловля и т. д. Можно предположить, что они даны русскими поселенцами, может быть, даже основателями этих сел, которые потом растворились в коми среде. А такие названия, как Гам, лингвисты считают происходящими из вепсского языка.

Таким образом, анализ дает некоторый ответ на вопрос, кем основаны данные поселения. Здесь, конечно, необходимо привлечь существующие предания об основании этого поселения и данные о современном и старом семейном составе местных жителей, так как до сих пор в поселениях коми сохраняется такая характерная черта, как господство всего 2—3 фамилий в селе (д. Тойма Удорского района — Матевы и Палевы), признающих себя родственниками, имеющими общих предков из первых поселенцев. Кроме того, название показывает, где находился прежний центр целого гнезда поселений, ибо всегда какое-либо из селений сохраняет свое старое назва-

ние «погост» или «вичко-сикт» (деревня с церковью). В настоящее время это нередко центральная часть большого села, которое возникло в результате слияния нескольких малых, основанных на небольшом расстоянии от погоста. Они также сохраняют свои названия.

Довольно широко распространено у коми одновременное бытование двух названий для одного селения — на русском и коми языках. Чаще это дословный перевод (Усть-Вымь — Емдин, Усть-Кулом — Куломдин), но иногда они не совпадают (Сторожевск — Шойнаты, Троицко-Печорск — Мылдин, Коквицы — От). Официально употребляется русское название, в разговорной практике народа — местное.

Во многие названия поселений включаются такие слова, как *сикт*, *грезд*, *горт*, *керос*, *дин*, *дор* и некоторые другие. Значение слова *сикт* выше объяснялось — оно означает деревня. Тот же смысл имеет слово *грезд*. Лингвисты полагают, что оно является заимствованием из русского языка (*гроздь-грезд*), Ванегрезд — деревня Ивана, Ветевгрезд — деревня Ветева, Важгрезд — старая деревня).

Слово *горт* сейчас переводится как «дом» или «жилище»¹. В более раннее время оно, вероятно, употреблялось и в смысле «поселок», поскольку в XVI—XVII вв. деревня или починок нередко состояли из 1—2 дворов.

Слово *керѳс* переводится как «террасовидная возвышенность» (Позтыкерѳс — возвышенность у озера Поз; *ты* — озеро. Кѳрткерѳс — железная (*кѳрт*) возвышенность. Вадкерѳс — возвышенность над озером, *вад*, в отличие от *ты*, является проточным озером).

Дин переводится «возле», «около», «вблизи». Оно встречается лишь в тех названиях, которые означают устье реки (Усть-Кулом — Кулѳмдин, Усть-Вымь — Емдин). Видимо, раньше оно означало устье реки, хотя сейчас в этом значении употребляется слово *вом* (рот), (Эжва-вом — устье Вычегды). *Дор* означает край (Вадор — край реки, воды, т. е. деревня на берегу реки).

Из анализа названий поселений коми следует, что они основывались одним человеком или группой родственных лиц; что место выбиралось в устье какой-либо речки или у озера, при этом предпочита-

¹ *Горт* означает также «гроб». В данном случае, видимо, имелось в виду, что гроб как бы служит домом, жилищем покойника.

лось более высокое место, холм, терраса, и название поселению давалось по имени и прозвищу первого поселенца, или по местности, где оно основано, или по находившимся возле озера или реке (и по другим признакам); что в ходе истории многие мелкие поселения сливались в одно крупное, но сохранили внутри него свои прежние границы.

Глубокое изучение топонимики, несомненно, позволит сделать более интересные и значительные выводы.

КУДА И КАК СЕЛИЛИСЬ НАШИ ПРЕДКИ

Новые поселения основывались одним человеком или группой лиц (обычно родственников). Так говорят нам народные легенды, так было и в действительности. Например, жители д. Великополье на верхней Вычегде рассказывают, что основателем их деревни был беглый русский солдат. Переписная книга 1720 г. сообщает, что основатель починок Великополье Степан Осипов Пашнин живет там совместно «с детьми и с братом и со внучатами и с племянниками и с задворным зятем»¹, но ничего не говорит о его национальности. Учитывая, что фамилия Пашнин на территории Коми АССР не распространена, а также и то, что звучит она по-русски, можно верить в истинность народной легенды. Однако все теперешние потомки С. О. Пашнина — коми.

Не только в XV—XVIII, но и в XIX вв. на территории современной Коми АССР основными путями сообщения были реки. Наземные дороги были проезжими только зимой. А для летнего времени оставались реки да озера. Поэтому наши предки селились именно по берегам.

Однако реки и озера были важны не только как пути сообщения. Очень большую роль в хозяйственной деятельности наших предков занимали охота и рыболовство, а они, особенно рыболовство, были непосредственно связаны с водой. Да и нужные для полеводства земли

¹ Научный архив КФАН, ф. 1, оп. 11, д. 36.

Р и с. 5. Деревня Додзь (вид с реки, фото 1963 г.).

у леса тоже легче было отвоевать на тех же берегах, которые были удобны для разбивки пашен еще и тем, что их обращенные к югу склоны лучше прогревались солнцем. А это на севере очень важный фактор успеха земледелия.

Наши предки издавна знали скотоводство. А для скота на зиму необходим был корм, и они его заготавливали на низких заливных берегах, где имелись богатые естественные луга.

Вот эти причины и заставляли наших предков селиться по берегам рек и озер (рис. 5).

Но не любое место было пригодно для поселения. Долгое время, вплоть до XVII в., древние люди не решались селиться вдоль больших рек. Большая река — это столбовая дорога древности. Она была опасна. По ней проходили войска, проплывали разбойники и т. д. Поэтому, как уже можно было заметить из краткого очерка расселения, наши предки вначале осваивали меньшие реки — Яренгу, Вымь, Лузу, Сысолу и т. д. И лишь с образованием централизованного русского государства, когда прекратились междоусобные войны и набеги, люди стали осваивать берега больших рек — Вычегды и Печоры.

Для поселения всегда выбирался высокий берег. Ближе к воде, но так, чтобы их не заливало в половодье, поселялись люди. Выше

деревни по береговым увалам располагались поля. А на противоположной стороне реки находились луга. Недаром некоторые названия сел и деревень отразили это в своих названиях (Большелуг, Иб и т. д.). Наилучшим, наиболее удобным местом для поселения наши предки считали стрелку, образующуюся при впадении малой речки или ручья.

Но не только экономическая целесообразность принималась во внимание древними строителями. Они учитывали также эстетическую сторону. Избы всегда строились фасадом к воде и обычно на юг. Из окон открывался чудесный вид на речную гладь, на лесные просторы. Люди хотели видеть широкий горизонт. Синева неба, зеркало воды, зелень лесов и полей и среди них четкие четырехугольники изб создавали определенную эстетическую картину. Искусство природы и искусство людей сливались в единое целое.

Это необходимо принимать во внимание и теперь, когда наши города и поселки должны отвечать потребностям советского человека, удовлетворять их эстетические вкусы.

Поселения коми имели свой определенный внешний вид, отличавший их от сел и деревень соседних народов. Вечная борьба крестьянина с лесом за пашни, пожни и пастбища, за свет и солнце была причиной того, что наши северяне не любили зеленых насаждений, и в деревнях озеленение отсутствовало. Крестьяне считали, что деревья у домов закрывают солнце, задерживают лишнюю влагу и зря занимают нужную под посадки землю. Зеленые насаждения у коми распространены лишь в юго-западных районах республики.

Древнейшим типом застройки у коми, сохранившимся до последнего времени, был беспорядочный, разбросанный тип, когда жилые и хозяйственные постройки строились без всякого плана, где кому заблагорассудится, обычно ближе к своим полям. Такие деревни существовали уже в XVII в. В писцовой книге 1608 г. неоднократно встречаются такие записи, как, например «деревня Коквица, дворы врозни». И в I половине XIX в. такое расположение сохранялось еще в очень многих поселениях. И. Кашперов, проезжавший по нижней Вычегде и Выми, сообщает, что «деревни зырян, по большей части, не составляют сплошной постройки, а дома разбросаны по полям в раз-

ных направлениях и каждый крестьянин живет особо»¹. Позднее этот тип несколько видоизменился. В поселении при сохранении общего беспорядочного расположения начали выделяться отдельные группы дворов, хозяева которых были связаны кровным родством и поэтому строились более компактно, кучно. При этом беспорядочность расположения построек внутри этой группы продолжала сохраняться. Например, в документах в начале XVIII в. границы двора крестьянина Н. Ф. Огибина (Палевицкой волости) описаны следующим образом: «В межах двор и преддворный выход и подоконные улицы со востоку с И. Прокушевым, да с Е. Федоровым, с полдни и с западу с Г. Осиповым по огороду, куды ныне стоит, с сиверу с Е. Федоровым да по старому богдановскому дворовому месту, а водочерпные колодцы и баня по западную сторону вышеописанного двора на преддворном выходе и на подоконной улице»². Данное описание является ясным подтверждением отсутствия какой-либо четкой планировки селения. По словам автора середины XIX в. М. И. Михайлова, «они (т. е. жилища — Л. Ж.) примыкают друг к другу очень тесно, так что один дом упирается в другой углом, или стоит боком, или будто отвернулся, постройка к нему задней стороной...»³.

Для примера опишем с. Сизябск Ижемского района (рис. 6). Это довольно большое поселение, расположенное на левом берегу р. Ижмы. Берег здесь низкий, заливаемый в половодье, и поэтому все три села: Сизябск, Бакур и Мохча — удалены от реки на 3—5 км, так как только там есть удобные для поселения высокие увалы, которые в давние времена, до ухода реки в сторону, были берегом. Сизябск, как и соседний Бакур, село резко беспорядочного расположения домов. Даже центральная улица (дорога) весьма извилиста. Дома стоят группами. Между ними выются кривые улочки. Ориентировка домов не имеет четко выраженного направления, их фасады обращены в различные стороны. Строители принимали во внимание прежде всего возможность лучшего освещения, а также положение зданий.

¹ И. Кашперов. По Вологодской губернии. Вологодские губернские ведомости, 1865, № 11.

² Л. Н. Жеребцов. К истории народного жилища коми. Ист.-фил. сб. Сыктывкар, 1960, вып. 6, стр. 72—73.

³ М. М. Михайлов. Домашний и семейный быт зырян. Журнал Министерства внутренних дел, 1852, кн. III, стр. 320.

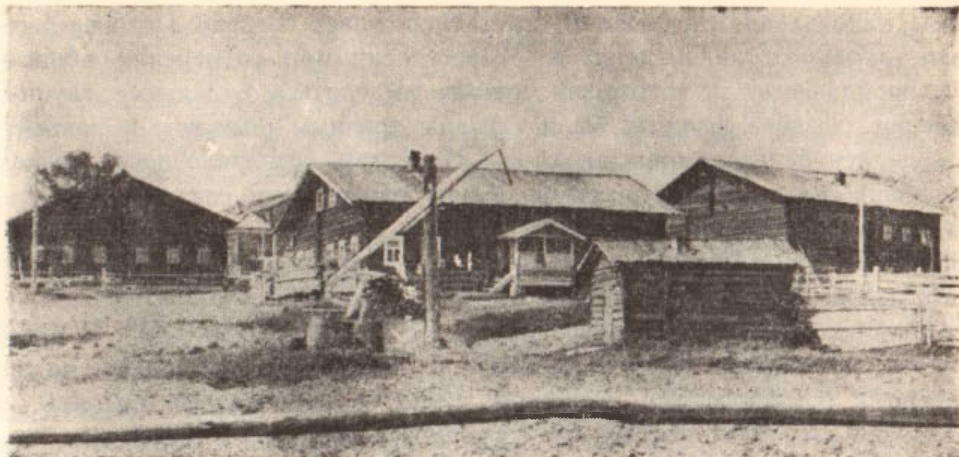

Рис. 6. Село Сизябск (беспорядочный тип застройки, фото 1961 г.).

Село расположено на очень удачном месте. С высокого берега далеко просматриваются окрестности, видны соседние села и деревни. В прежние века при отсутствии телефонов зрительная связь была очень важна. Она помогала людям чувствовать близость соседей, избавляла их от чувства одиночества. Дома в селе, как правило, стоят так, чтобы не заслонять друг друга горизонт. На самом высоком месте прежде была церковь. Сейчас на вершине увала поднялся Дом культуры.

С увеличением количества жилых и хозяйственных сооружений постепенно складывается прибрежно-рядовой тип застройки, при котором жилые избы вытянуты в один, два, а иногда и три ряда вдоль береговой линии. Хозяйственные постройки (бани, амбары и т. д.) устроены против домов ближе к урезу воды. П. Щукин, например, писал, что «главная деревенская улица по одной стороне заставлена банями, по другой — хорошими бревенчатыми домами...»¹.

В качестве примера можно описать д. Муфтыга Удорского района (данные 1955 г.). Расположена она на правом берегу р. Вашки. Од-

нако сейчас река довольно далеко отошла от деревни: осталась старица. Муфтыга имеет типично рядовое расположение домов. Они стоят в основном в два (местами в три) порядка. Ряды четкие, хотя и не очень прямые, тянутся вдоль береговой полосы. Дома стоят сравнительно плотно. Амбары и особенно овины расположены группами несколько в стороне от жилья. Бани построены ближе к воде. Зелени в деревне нет, но вокруг, особенно по берегу, всюду кустарники. Из деревни открывается красивый вид на просторы реки и широкий зеленый луг. Вдали синее лес.

В XX в. возникает и распространяется уличный тип застройки, отличающийся двусторонним расположением домов вдоль улицы окнами друг на друга. Так, например, с. Ношуль Прилузского района растянулось вдоль реки тремя довольно правильными улицами. Дома выходят фасадами прямо к тротуарам, а не прячутся в глубине участка. Расстановка жилищ довольно плотная, однако возле каждого дома, вернее за ним, всегда есть приусадебный участок. Село расположено на берегу еще неширокой в этих местах реки Луза. Берег тут невысокий и лишь местами заметно повышается. Леса вокруг вырублены, и село окружают поля. Но в отличие от более северных коми сел в этом, относительно южном, имеет некоторое распространение посадка кустарников и деревьев возле домов. Сохранились деревья местами и вдоль берега реки.

Все эти три типа застройки или планировки селения сохранились в той или иной мере и до наших дней. Наиболее древним из них, безусловно, было беспорядочное расположение построек в деревне. Оно встречается по всей Коми АССР главным образом в старых поселениях и многих мелких деревеньках.

Самым характерным для сельских поселений коми в XIX в. являлся рядовой тип. Обычно в селе два-три порядка домов стоят друг за другом, так что фасады одного смотрят на дворы другого.

Уличный тип и сейчас еще распространен значительно меньше, причем правильного улично-квартального почти нет. В очень немногих деревнях, в которых восстановительное строительство после пожара шло по особому утвержденному плану, можно увидеть такой квартал-уличный план. Обычно же кварталов в селении не имеется. Дома в них не поддерживают четкого расположения и обращены

¹ П. Щукин. У зырян. Русское богатство. 1907, 7.

Рис. 7. Село Спасоруб (уличный тип застройки, фото 1958 г.).

к улице иногда боковой стороной, иногда даже задом. Зачастую более правильную уличную планировку имеет только центральная или наиболее новая часть села, а остальные концы сохраняют обычный рядовой принцип расположения (рис. 7).

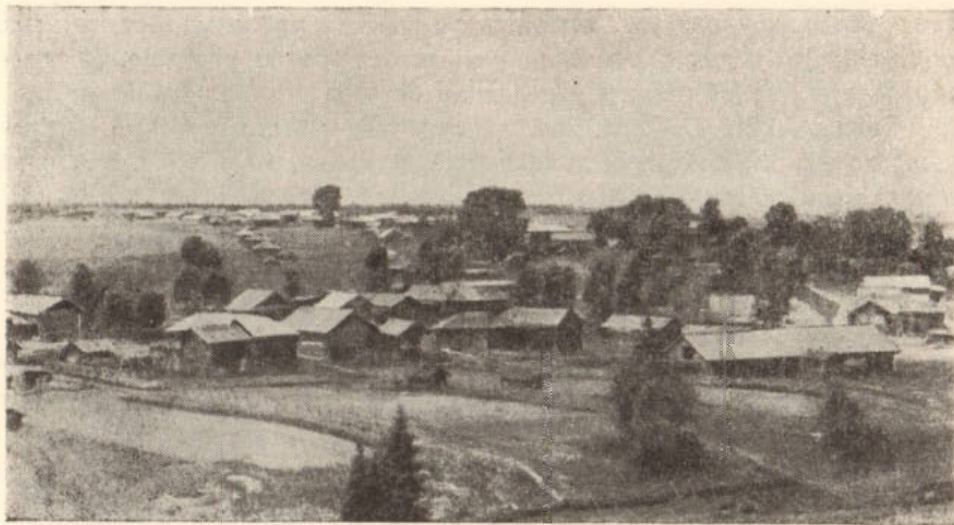
Как рядов, так и улиц может быть несколько, смотря по размерам поселения. Общая линия развития современных селений направлена в сторону их укрупнения. Существуют села до 7—10 км длиной. Сложение крупного поселения происходит двумя путями: или путем слияния ряда мелких деревень в единое целое (этот процесс сейчас идет особенно усиленно; в ряде случаев, когда объединение еще не завершено, можно видеть поселения, состоящие из группы мелких разрозненных деревень), или путем постепенного разрастания единого селения за счет увеличения населения в нем.

В типах поселений северных русских и коми различий почти нет. Это объясняется, конечно, не заимствованиями, а сходными условиями природы и быта. В качестве характерной особенности русских мезен-

ских поселений следует отметить устройство рубленых бревенчатых стенок (обруб) для укрепления речных берегов от размыва. В поселениях коми такой способ укрепления берегов не наблюдается.

Если в XVIII—XIX вв. крестьянские дворы были свободно разбросаны на значительном расстоянии друг от друга, то в XX в. начинает развиваться кучность в расстановке жилищ. Дома стали строить настолько плотно, что приусадебные земельные участки резко сократились, а в некоторых селениях и совсем ликвидировались. Их выделили на полях за селом. И вот вместо старого разбросанного типа заселения в зависимости от расстановки построек в селении возникли компактный тип заселения, когда все жилые и хозяйственные строения располагались на небольшом пространстве; растянутый, в котором постройки вытягивались вдоль береговой линии или дороги, иногда на несколько километров, и концевой, в котором здания расходились в разные стороны от единого центра. Впрочем, последний тип заселения встречается довольно редко. Можно упомянуть для примера Слудку, дома в которой стоят в основном улицами, с обращенными друг на друга фасадами. Вследствие извилистости реки и необходимости выделения удобных участков под поля, село вытянулось четырьмя концами. Очень характерно для него большое количество зелени, что, конечно, очень украшает село. Дома стоят весьма близко друг к другу. Своеобразной чертой является отсутствие амбаров и погребов возле домов. На задах есть только бани. Сами дома, как и в Ношуле, выходят прямо на улицу, а за домами есть приусадебные участки (рис. 8).

Наиболее характерным для современных поселений является растянутый тип, хотя для благоустройства села он неудобен. Компактный гораздо лучше. Он требует меньше затрат на устройство дорог, изгородей, водопроводов, радио и телефонов. Село Керчемья, например, растянулось на 7 км. Главной улицей является дорога (тракт), вдоль которой и стоят дома в один-два ряда. Но местами есть скопления построек в несколько порядков. Дело в том, что село Керчемья образовалось из нескольких мелких деревень, до сих пор сохранивших свои названия. Поэтому в центрах этих *сиктов* домов больше, чем на пограничных участках, а границами являются ручьи и овраги. В деревнях было беспорядочное расположение построек. Это заметно и сейчас, так как дома к улице выходят любой стороной, даже взвозами.

Р и с. 8. Село Слудка (концевой тип застройки, фото 1958 г.).

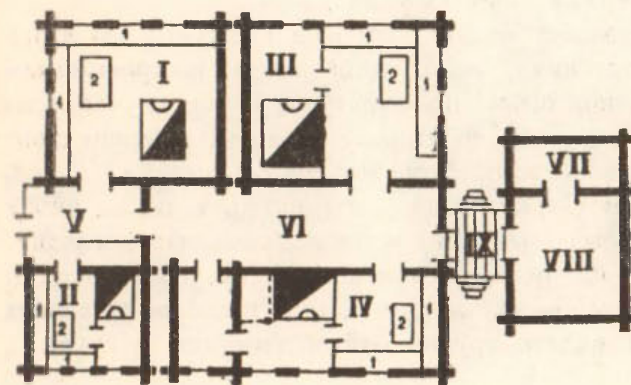
Итак, чем же отличаются села и деревни коми от русских сел и деревень, от поселений других своих соседей?

По утверждению чиновника для особых поручений при вологодском губернаторе Бессонова, проехавшего по западным районам Коми края в начале XX в., «среди лесов... попадаются большие деревни, совершенно отличного вида от русских: с первого же взгляда бросается в глаза особый тип постройки: основанием зырянского дома является изба на один скат с очень плоской крышей, конечно, тесовой, два таких дома, составленных высокими сторонами составляют большой дом и это общий тип зырянских построек»¹. Следует отметить, что в более южных районах края, где земледелие играло весьма важную роль в хозяйстве и где вследствие необходимости затрачивать большое количество труда на обработку пашни крестьяне предпочитали жить большими неразделившимися семьями и вести общее хозяйство, долгое время, вплоть до конца XIX в., встречался другой, более сложный тип

¹ В. Бессонов. Поездка по Вологодской губернии к нефтяным богатствам на реку Ухту. СПб, 1908, стр. 28.

жилища. По словам П. Щукина, «часто три и даже четыре дома (очевидно, избы — Л. Ж.) соединены вместе: это постройки многочисленных, еще не разделившихся семей»¹. В небольшом количестве такие дома встречались совсем недавно, даже в предвоенные годы. В частности, в 1930—35 гг. в с. Ношуль существовал большой дом Вахнинных, состоявший из четырех отдельных изб (рис. 9). Обычно такие дома огораживала глухая изгородь. Переходом служили два бревна с вырубленными ступеньками. Эти лестницы укреплялись концами на изгороди. Избы дома были все односкатные и стояли на некотором расстоянии друг от друга. Центральный коридор был довольно широким, а боковые — очень узкими и не использовались. Крыша была общая над всем домом, но фронтоны у каждой избы были свои. Кровли сходились над сенями, в которые открывались двери всех изб. В одном конце сеней был вход в дом через невысокое крыльцо, а в другом — двери в сарай. Каждая изба была жилой и имела русскую печь. Обитали в них родственные, но отдельные семьи. Подобные дома, конечно, были очень специфичны и своеобразны.

Итак, главные отличия сел и деревень коми были не в типах застройки и расселения и даже не в расположении построек, а во внешнем (и, конечно, внутреннем) виде их построек, то есть в самой архитектуре, что и будет показано ниже.

Р и с. 9. План большого четырехизбного дома Вахнинных (с. Ношуль, план снят в 1934 г. А. К. Супинским). I, II, III, IV — избы, V, VI — сени, VII, VIII — хлев, IX — мост, 1 — лавка, 2 — стол.

¹ П. Щукин. Указ., соч.

Рис. 10. Открытый замкнутый двор (с. Койгородок, фото 1959 г.).

ТИПЫ КРЕСТЬЯНСКИХ УСАДЕБ И ДВОРОВ

Говоря о всех постройках в селе, я пользуюсь словами «жилые и хозяйственные постройки». В обыденной жизни и научной литературе для всего комплекса жилых и хозяйственных сооружений одного хозяйства употребляется термин «крестьянский двор».

Обычно жилые и хозяйственные постройки крестьянского двора располагались на приусадебном участке, свободная от построек земля которого использовалась под огородные культуры. В том случае, если приусадебный участок находится в стороне от дома, жилище стоит посреди небольшого огороженного изгородью пространства. На участке имеется жилой дом (*керка*) с двором (*карта*), а также амбар (*кум*, *житник*, *турыш*), погреб (*кёбрег*) и баня (*пывсян*); последние три, как написано выше, часто строятся и вне участка поблизости от дома (баня бывает и в стороне ближе к воде). В некоторых районах возле поселений можно видеть группы овинов (*рыныш*) с крытыми гумнами (*гумла*).

Крестьянский двор у коми включал все эти постройки, но непосредственно с жильем они не были связаны. Для коми, как и для

других народов русского Севера, характерно соединение в единое целое жилой части с двухъярусным двором. Рациональная мысль северного зодчего изобрела это весьма практичное сооружение, и оно было исключительно полезным изобретением, так как избавляло людей от необходимости выходить зимой на холод для ухода за скотом. Из сеней избы хозяйка попадала сразу в верхний ярус двора (*повить* или *сарай*), где хранились сено и солома. Оттуда по лесенке она спускалась вниз в хлев к скоту. Такой двухъярусный закрытый двор у коми сложился во II половине XVIII в. А до этого существовал открытый двор. Каким он был, можно представить себе по еще распространенному в бассейне верхней Сысолы типу открытого замкнутого двора (рис. 10). Он образуется следующим путем. Все хозяйственные постройки (амбар, дровяник, погреб) устанавливаются друг подле друга параллельно дому и, таким образом, две боковые стороны этого двора уже отгораживаются. С передней стороны от дома до амбара тянется высокая плотная изгородь из тонкомерных бревен. В ней калитка и широкие ворота. С задней стороны — тоже изгородь.

Рис. 11. Характерная для крайних юго-западных поселений коми форма дома с крытой хозяйственной пристройкой — улич (с. Летка, фото 1958 г.).

Огражденное со всех четырех сторон пространство и есть открытый замкнутый двор. Только в XVII в. хлевы также стояли отдельно не будучи связаны с жильем. Эта форма открытого замкнутого двора имела распространение также у горнозаводского населения Коми края в Кажиме, Нючпасе, Нювчуме и в соседних вятских русских деревнях.

Дальнейшим развитием этого типа двора с целью лучшего приспособления его к местным условиям, с целью создания более удобного и компактного сооружения является санник, или улич, распространенный в Прилузье (рис. 11). Он, правда, сосуществует с обычным двухъярусным двором. Это — пристройка из тонкомерных бревен, покрытая односкатной крышей. Ее ставили обычно к боковому фасаду дома. В тех сараях, когда дом с двором имели глаголеобразную форму (в форме буквы Г), улич устраивался во внутреннем углу этого дома. Подобные постройки еще встречаются в летских деревнях. Улич прикрывает от снега вход в погреб, амбар, там же летом отдыхает скот и сохнут поленицы дров. Установлено, что кровля над открытым двором у коми стала распространяться в I половине XVIII в.¹

Все эти типы крестьянских дворов и усадеб встречаются еще и сейчас.

МАТЕРИАЛЫ И ТЕХНИКА СТРОИТЕЛЬСТВА

Из чего и как строили народные мастера здесь, на севере? Основным строительным материалом в нашей лесной таежной зоне было дерево. Наилучшие бревна давала сосна (*пожём*), но на нижний наземный венец сруба предпочитали класть лиственницу (*ниа пу*). Ее древесина более смолистая, дольше не гниет на влажном грунте. Если русское население, живущее по Мезени, например, строило весь дом из лиственницы, то у коми это не встречалось: максимум три нижних венца. Ель на строительство совсем не использовалась. Лес рубили с сухих боровых мест. Дерево выбирали постарше, с более прочной

¹ Л. Н. Жеребцов. К истории народного жилища коми. Ист.-фил. сб. Сыктывкар, 1960, вып. 6.

древесиной. Заготавливали лес еще зимой или ранней весной и свозили к заранее избранному месту, где он подсыхал. Строительство чаще всего начинали с весны. Фундамент под жилищем обычно не устраивался, но часто под углы сруба подкладывали камни или чурки. Возводился сруб прямо на земле, причем во многих районах первоначально его рубили без моховой прокладки частями, затем уже поднимали полностью, устраивая «помочи» (помощь). На них приглашались прежде всего родственники, но приходили и соседи, так как учитывали, что и им со временем такая помощь потребуется.

Приходили и мужчины, и женщины. Первые поднимали и укладывали бревна, а вторые подносили мох и прокладывали пазы. При помочах сруб дома поднимали за один день. Платы помочанам не полагалось, но угощение было обязательным.

Возникновение помочей относится к весьма давнему времени, ко времени господства общинной организации. Они являлись мерой помощи общины своим членам в затруднительных случаях, когда необходима была затрата большого количества времени и труда, а жизнь требовала быстрых результатов. Помочи устраивались и по некоторым другим трудоемким работам: вывозка навоза на поля, уборка сена и т. д.

Углы рубили «в чашу», или «угол» (*гöгрöс пельёс*). Со II четверти XX в. некоторое распространение получил способ рубки угла «в лапу» (*чистöй пельёс*). Однако и по настоящее время он используется, главным образом на строительстве больших двухэтажных зданий. Пазы для прокладывания мха теперь делают только с нижней стороны бревна. Но вплоть до середины XIX в. паз вырубался на верхней стороне бревна. Постройки из таких бревен сейчас величайшая редкость. Только в отдельных древних часовнях можно встретить этот способ выемки пазов. Он был более легким и удобным для мастера, но зато менее практичен, так как в пазу могла скапливаться вода. Поэтому-то он и был заменен.

Для рубки сруба хозяин приглашал четырех или шестерых плотников в зависимости от типа строящегося дома, на каждый угол по человеку (*кивеж*). Для пятистенка, например, требовалось шесть плотников.

Поскольку крестьянские жилища представляют собой сложную

постройку, состоящую из нескольких отдельных срубов, то хозяин, приступив к строительству, возводил вначале одну из изб, а затем переходил к строительству другой. Срубы изб устанавливали на некотором расстоянии друг от друга. В ряде случаев это пространство шириной 1,5—2 м использовалось для устройства сеней (*посводз, керка водз*). В других случаях оно значительно уже (до 1 м) и хозяйственного значения не имеет. Вначале поднимали сруб высотой до 3-х сажен (15—20 венцов) и затем настилали полы (*джодж, нос*) и потолки (*йирк, йирт*). Первые сейчас делают двойные из толстых плах или горбылей, утепленные в промежутке землей. Прежде полы были из отесанных бревен, настилавшихся в один ряд. Теперь бревенчатых полов вообще не делают. Однорядные еще встречаются в Удорском районе Коми АССР в тех избах, в подполье которых помещается на зимнее время скот (см. ниже). Настилаются половицы на переводах (*переводинах*) на высоте полутора-двух метров от земли.

Потолки в прежнее время делались только из круглых бревен, настилавшихся в один ряд. Теперь такие встречаются тоже редко. Обычно на потолки идут те же плахи, что и на полы и сверху засыпаются землей. Потолочины упираются в специальные пазы. Бревно, на котором сделаны пазы, называется «*череп-кер*». В средней части потолок поддерживает матица (*матиц*) — массивное, круглое бревно. Стены (*берд, стен*) дома с внутренней стороны сейчас отесывают, но еще в XIX в. бревна оставались круглыми.

Окон (*ёшинь*) в избе не более 4—5, а во всем доме в два раза больше. Как правило, на фасаде шесть окон. Это характерная черта жилища коми. И только в том случае, когда дом имеет среднюю горницу (см. ниже) на фасаде — семь окон. Размеры их невелики: 60×80 см, редко больше. В XIX в. большое распространение, особенно в зимних избах, имели маленькие волоковые окошки (40×60 см), не имевшие ни косяков (*бель*), ни двойных рам. Сейчас такого размера окошко сохранилось в районах по Сысоло, верхней Вычегде и верхней Печоре для освещения пространства над печью и полатами, и называется оно *паччёр ёшинь* (окно над печью). Вместо стекла в такие окна вставлялась слюда, промасленная тряпка или бумага. Если в избе все три окна были волоковые, то среднее прорубалось несколько выше остальных. Именно оно раньше других было уве-

личено в размерах и стало называться красным косячатым окном. Косяки и рамы окрашиваются белилами. Яркий белый цвет отчетливо выделяется на темном фоне бревенчатых стен и очень украшает дом.

В качестве примера приведу описание дома Дьяконова А. А. (с. Усть-Вымь, 1950 г.), построенного в 1886 г. Он состоит из двух изб, из которых одна разделена на кухню и комнату. Крыша двускатная, плахи ее вытесаны топором. Окна в зимней избе маленькие, но среднее уже косячатое, высокое. В летней половине окна больших размеров. Потолки в кухне из круглых бревен, потемневших от времени. Печь (русская, глинобитная) стоит в углу. Возле нее в центре избы — вход в голбец. Изба осела, и полаты сейчас снизились, приходится нагибаться. Но над полатами пространство довольно значительное. На них можно сидеть взрослому. В красном углу — две широкие массивные лавки и стол. Возле двери — деревянная кровать. От печи до передней стены тянутся два бруса. Летняя кухня тоже имеет русскую печь, которая выдвинута из угла, а в образовавшемся пространстве устроен вход в голбец. Полатей нет. Остальная обстановка такая же. Комнатка пуста, служит в качестве чулана (рис. 12).

Пространство между двумя срубами изб чаще всего использовалось в качестве сеней (*посводз*). Для этого на высоте пола жилых помещений в указанном промежутке настилался однорядный пол из тонких плах. Потолка в сенях не делали, их покрывала сверху общая с избами крыша. Из сеней ведут отдельные двери в обе избы. С задней стороны к ним же примыкает и сарай. Сени обычно незначительны по размерам и примитивны по оформлению. Служат они, кроме связи между избами и двором, также складочным помещением.

Вход в сени через крыльцо (*кильчö*). Высота его различна в зависимости от высоты подполья. Так, если одноэтажные дома чаще имеют высокие крылечки, то двухэтажные обычно низкие. Последние почти всегда открытые, и лестничный марш их, состоящий из 2—3 ступенек, расположен прямо перед входной дверью. Высокое крыльцо, наоборот, делается крытое, с лестничным маршем вдоль стены. В более старых типах жилищ вход в сени устраивался всегда с переднего фасада. Высокое, на столбах крыльцо, снабженное резным орнаментом, служит важным элементом декорирования жилища. Оно нарушает глухое

однообразие стены, выступает вперед и хорошо смотрится, особенно если хозяева его еще и окрасят (рис. 13).

Изучение современных жилищ показывает, что вся постройка в целом, состоящая из жилого дома и двора, как правило, имеет двускатное покрытие, зато отдельные составные части ее покрыты односкатными крышами (*вевт*). Они укрепляются на бревенчатом фронтоне (*керка юр*) в форме равнобедренного или прямоугольного треугольника. Стропильные конструкции распространились в настоящее время. Часто верхние концы крыш двух изб или избы и двора не сходятся вплотную, а заходят один под другой. Поэтому охлупни (*ёккупень*) на крышах жилищ коми встречаются далеко не везде. Чаше их можно видеть в юго-западных и северо-западных районах республики, где более распространены дома, покрытые двускатной крышей. Охлупни обычно представляют собой простое отесанное бревно, с внутренней стороны имеющее желобообразное углубление.

Рис. 12. Дом Дьяконова А. А., построенный в 1885 г. (с. Усть-Вымь, фото 1950 г.).

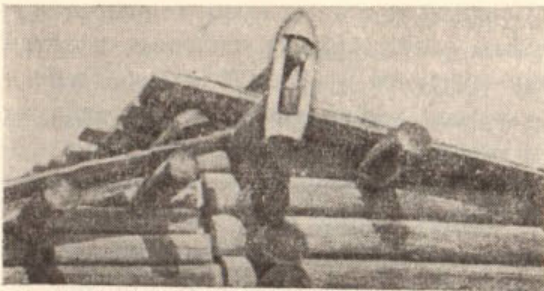
Крыши — только тесовые. Изготовление теса было довольно трудоемким делом. Бревно клиньюми раскалывалось пополам, и затем топором вытесывались две плахи толщиной 5—7 см. Вдоль средней линии прорубался желоб. Тесины крыши укладывались в два ряда на следи (*гаридз*) и прижимались сверху жердями, которые скреплялись с концами след. Нижний край кровли упирается в водосточный желоб, укрепленный на курицах (*курич, крук*) (рис. 14).

Односкатность была одной из характерных особенностей строительной техники коми. Именно она придавала те особые отличия деревне коми, которые бросались в глаза каждому наблюдателю в прошлом.

Следует остановиться еще на одной характерной особенности наших северных жилищ. Правда, эта черта присуща жилым постройкам всех народов лесной таежной зоны европейской части СССР. Я имею в виду устройство дома на высоком подполье. Смысл этого изобретения северного зодчего в том, что, во-первых, более высокий дом менее тонул в сугробах снега, во-вторых, пол его был поднят над промерз-

Рис. 13. Дом с высоким крытым крыльцом (с. Княжпогост, фото 1949 г.).

Р и с. 14. Характерный способ крепления кровли в старых постройках коми (с. Помоздино, фото 1957 г.).

лой землей и отделен от нее воздушной прослойкой, а воздух является, как известно, хорошей изоляцией, задерживает холод и сохраняет тепло, и, в-третьих, подпольное помещение оказалось очень полезным в хозяйстве. Используется это подполье (*джодж ув, гёбёч*), главным образом, в качестве хранилища продуктов и особенно свежих овощей в зимний период. Туда же помещаются не портящиеся от холода и сырости, не нужные в постоянном обиходе предметы. Овощи хранятся в одной-двух специально вырытых ямах.

Проникают в такое подполье прямо из кухни, причем вход проделывается через особую пристройку, стоящую возле печи (*гёбёч выв*). В новых домах вход изредка имеет форму люка в полу у печи (*западня*). На верхней Печоре он иногда устроен прямо в опечке, т. е. в том деревянном срубике, который служит основанием печи. Подполья описанного устройства и назначения у коми наиболее распространены.

Однако в некоторых районах они имеют иное устройство и назначение. Так, в поселениях Удорского района в подполье устраивается погреб, т. е. в нем появляется яма со льдом и снегом для скоропортящихся продуктов. Отдельно стоящие погреба в этом районе мало распространены. Значительно реже подполье служит в качестве амбара для хранения хозяйственных вещей, одежды, не соответствующей сезону и т. д. Довольно широко распространено приспособление подпольного помещения под хлев для содержания крупного рогатого скота в зимнее время (рис. 15). Такие хлевы помещаются только под зимними избами.

Вход во все эти подполья всегда снаружи. Но в хлевы для крупного рогатого скота можно попасть и прямо из избы, как в голбец. (Иногда даже часть этого хлева отделяется под хранение продуктов в качестве голбца). Скот вводится через наружные двери, хозяева проникают через внутренние (в тех случаях, когда имеются), а корм и пойло подается прямо из избы через специальный люк, устроенный в полу посреди помещения. Это устройство позволяет хозяевам в зимнее время, не выходя на мороз, ухаживать за скотом. Недостатки же в том, что, во-первых, нижние венцы сруба избы быстро гнивают и требуется частая замена, и, во-вторых, запах хлева проникает в жилое помещение. С гигиенической точки зрения подобное использование подполья следует признать вредным.

Высота подполья, а также разнообразное его использование с соответствующими переделками, позволяет полагать, что двухэтажность построек коми, распространенная в некоторых поселениях и районах, возникла именно путем перестройки подполья в жилое по-

Р и с. 15. Зимняя изба с хлевом в подполье (д. Муфтыга, фото 1954 г.).

мещение. На это указывают и сравнительно незначительные колебания в высоте одно- и двухэтажных домов, и малые различия в количестве венцов их срубов (в одноэтажном — 18—20, в двухэтажном 20—25), а также отсутствие подполья в двухэтажных постройках. Можно отметить здесь же существование таких жилищ, одна половина которых состоит из двухэтажной жилой части, а другая — из одноэтажной на высоком подполье, причем обе части имеют одинаковую высоту и покрыты единой двускатной крышей. Известны также неоднократные случаи перестройки одноэтажного жилища на высоком подполье в двухэтажное. В качестве примера приведем дом Терентьевой У. П. (с. Ижма, 1949 г.). Он односкатный и состоит из двух изб, из которых одна двухэтажная, жилая. Нижний этаж был просто голбцем и потом отделан. Вторая половина — одноэтажная, служила летней избой, под которой внизу был обычный кум, а может и ледник. Вход в дом с переднего фасада. Крыльцо низкое. В сенях лесенка для входа в летнюю половину. Дому 150 лет. Потолок в нем из круглых бревен.

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ПЛАНИРОВКИ НАРОДНОГО ЖИЛИЩА

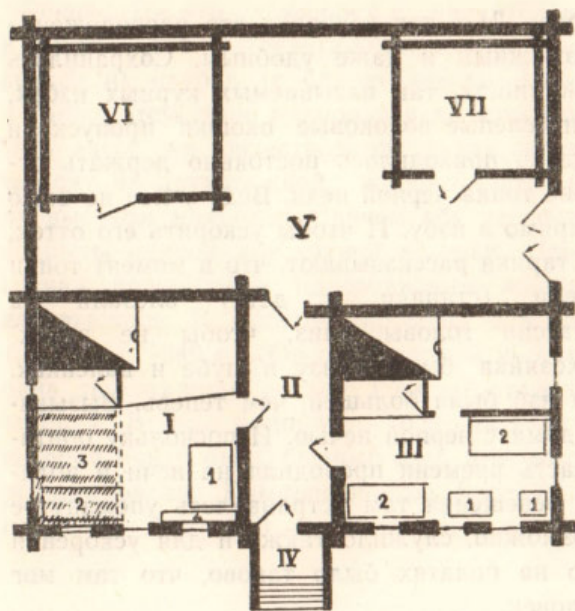
Каждый дом объединяет жилые помещения двух видов: кухни и комнаты (*горничка, комната*). Внутренняя планировка избы-кухни довольно проста. По всей территории Коми АССР замечено только два типа внутренней планировки кухни (*кукня*). В поселениях по рекам Сысоле, верхней Вычегде и верхней Печоре печь (*пач*) почти всегда, за исключением самых новых построек, находится у стены, противоположной входу, в самом углу и устьем (*пач вом*) обращена к двери (*ödzös, öböс*). Эта планировка напоминает южно-великорусскую. Однако, несомненно, что влияния последней здесь нет. В настоящее время такое расположение нельзя признать удобным, так как устье печи обращено в темный угол.

Несомненно, что этот тип планировки избы является наследием далекого прошлого. Он возник еще тогда, когда наши предки жили в землянках и полуземлянках, единственным источником света

в которых была открытая дверь. И в тех условиях это расположение печи было единственно возможным и даже удобным. Сохранилось же оно в первых срубных жилищах, так называемых курных избах, потому что и в них маленькие слепые волоковые окошки пропускали тоже очень мало света, и дверь приходилось постоянно держать открытой. Этого требовала также топка черной печи. Ведь у нее не было трубы, и весь дым выходил прямо в избу. И чтобы ускорить его отток, открывали и окна, и двери. Старики рассказывают, что в момент топки черной печи все обитатели (старики и дети) влезали на полати и лежали там, свесив головы вниз, чтобы не задохнуться от дыма, и лишь хозяйка была внизу в шубе и валенках. Поэтому же в XIX в. высота изб была большей, чем теперь. Вызывалось это самим устройством дома с черной печью. И поскольку обитатели дома зимой большую часть времени проводили на печи и полатах, где было теплее, то для освещения там устраивалось упомянутое окно над печкой, которое, возможно, служило также и для ускорения выпуска дыма. Пространство на полатах было таково, что там мог свободно стоять взрослый человек.

В силу сложившейся традиции теперь эта, конечно, очень неудобная планировка кухни продолжает сохраняться. Поскольку печь устанавливается в углу вплотную к стенам, то вход в голбец (*гöбöч выв*), в виде пристройки из толстых плах высотой ниже печи (на 30—40 см), пристраивается к ней сбоку в средней части избы. Верхняя плоскость голбца (или надголбца, как его иногда называют) днем служит для работы. Старухи там, например, прядут. А *паччöр öшинь*, который обычно пробивается как раз над голбцем, не плохо освещает его. Далее от голбца до передней стены тянутся полати (*пöлать*) на высоте лежанки печи. На них спали младшие члены семьи. Для главы семьи под полатами была деревянная кровать (рис. 16).

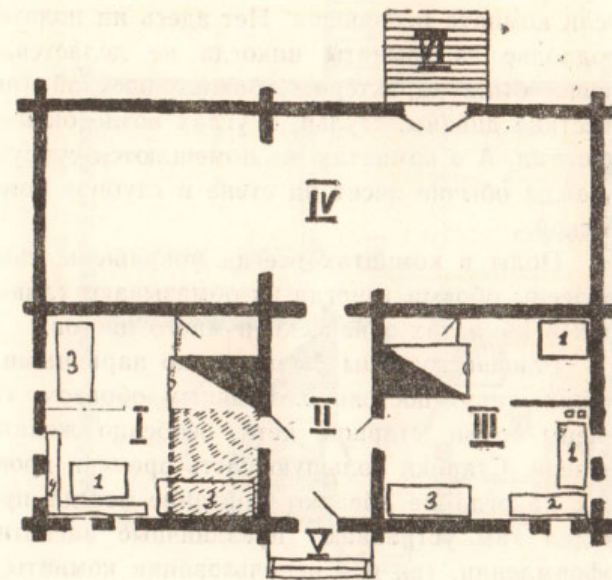
Передний (красный) угол (*ен пельöс*), располагающийся по диагонали от печи, находится в углу, прилежащем ко входу. В старое время там стоял узкий длинный стол (*пызан*), вдоль стен были лавки (*лабич*), над которыми под потолком находились полки (*джадж*). А в самом углу на особых полочках (*ен джадж*) стояли иконы. Лавки, вытесанные из цельного бревна, были массивными и широкими. Ночью они использовались вместо кроватей. Кроме лавок, имелись перенос-

Р и с. 16. Традиционная внутренняя планировка крестьянских жилищ в юго-восточных районах Коми края: I — зимняя изба, II — сени, III — летняя изба, IV — крыльцо, V — сарай, VI, VII — гид. 1 — стол, 2 — кровать, 3 — полати, 4 — лавка.

ные скамьи и табуретки (*джек*). Передний угол в доме и сейчас остается более почетным, его стараются украсить, но уже не иконами, а репродукциями с картин, плакатами, семейными фотографиями. Стол, стоящий в переднем углу, является обеденным. Определенные места за членами семьи не закреплялись, но детей предпочитали усаживать на лавках. Скамьи сейчас не употребляются. Вместо них стулья, встречаются и табуретки.

Часть избы перед печью, считающаяся женской половиной (*инь-пöв*), обычно отделяется от остального помещения или занавеской, или перегородкой, которые прикрепляются к особым брусам (*сёр*), идущим от чела печи до стены. На них хозяйки держали различные необходимые в обиходе предметы: противни, хлебные доски и т. д. В женской половине, то есть перед печью, у стены ставился второй стол для приготовления пищи, а вдоль стены тянулся залавок (*залавка*) — невысокий (75—100 см), узкий (30 см), длинный (1,5—2 м) ящик, служащий для хранения кухонной утвари. Там же в углу устраивались и ручные жернова (*гортса изки*).

Р и с. 17. Характерный тип внутренней планировки жилища западных районов Коми края (северно-великорусский тип планировки): I и III — зимняя и летняя избы, II — сени, IV — сарай, V — крыльцо, VI — извоз, 1 — стол, 2 — диван, 3 — кровать, 4 — лавка.

В остальных районах республики: на верхней Лузе, средней Вычегде, Выми, верхней Мезени, Вашке и средней Печоре — печь в кухне стоит в углу у стены направо или налево от двери и устьем повернута к окнам стены, противоположной входу. Обычно против устья прорубается специальное окно. Печь ставится, несколько отступя от угла. Между печью и глухой задней стеной устраивается вход в голбец: поэтому *гöбöч выв* обычно бывает одной высоты с печью. Полати также перемещаются и располагаются над входом. Они тянутся от печи до боковой стены.

Передний угол находится там, где в первом типе были полати, сохраняется его положение по диагонали от печи. Оформление его такое же. Обстановка в избе сходная с вышеописанной. Только всегда отсутствует *паччöр öшинь*. Как видно из описания, мы имеем здесь дело с планировкой северно-великорусского типа. Не вызывает сомнения ее заимствованное происхождение (рис. 17).

Второе жилое помещение в доме — комната (летняя изба, горница). В ней никогда не бывает русской печи, только голландка или плита,

если комната небольшая. Нет здесь ни полатей, ни голбца, ибо вход в подполье из комнаты никогда не делается. Для комнатной обстановки были характерны горки с посудой (иногда и буфеты), столы, жесткие диваны, стулья, в углах возле окон — маленькие столики под цветами. А в комнатах же помещаются сундуки с платьем, а верхняя одежда обычно висит на стене в глубине помещения, прикрытая занавеской.

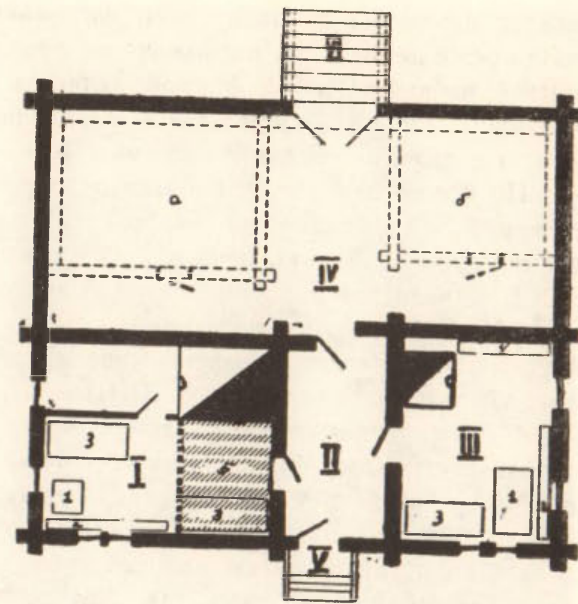
Полы в комнатах всегда покрашены, потолки побелены, а стены оклеены обоями (иногда их обмазывают глиной и затем белят). На окнах в комнатах занавески и много цветов.

Раньше горницы были только парадными помещениями, но теперь в них живут постоянно. Главным образом там помещаются молодые члены семьи, старшие дети, особенно женатые сыновья и замужние дочери. Старики большую часть времени проводят на кухне. В комнатах никогда не обедают (питание всегда происходит на кухне). Изредка там устраивают праздничные чаепития. Таким образом, как в оформлении, так и в использовании комнаты замечаются различия по сравнению с кухней.

В более раннее время, в частности, в I половине XIX в., летняя изба часто вообще не имела печи, была холодным помещением, поскольку она использовалась только в теплый период. Горница практически пришла на смену летней избе. И в настоящее время деление на летнюю и зимнюю избы совсем исчезло. Как правило, обе избы в доме имеют одинаковую планировку. В обоих есть печи, и обе пригодны для круглогодичного обитания, как обычно и бывает. От старого деления на летнюю и зимнюю половину осталось в ряде мест устройство комнаты из бывшей летней избы, о чем сказано выше (рис. 18).

Исключительно важное место в доме имеет печь. В кухне она всегда русская, сложенная из необожженного кирпича или битая из глины с примесью мякины или сенной трухи. Кроме русской печи, во многих избах для дополнительного обогрева помещения теперь имеются плиты или маленькие каминки (*пони пач*). Черная печь раньше занимала почти половину помещения. Печи с трубами стали поменьше, но и им требовалось не менее четверти пространства кухни. С печью у народа было связано много разных суеверий (см. об этом ниже). Черные курные печи без труб в народном жилище коми гос-

Рис. 18. План одного из характерных типов жилища коми в XIX в., состоявшего из зимней избы и летней горницы (с. Кожва): I — изба, II — сени, III — горница, IV — сарай, (а, б — ши), V — крыльцо, VI — извоз, 1 — стол, 2 — лавка, 3 — кровать, 4 — залавок, 5 — полати.

подставали вплоть до середины XIX в. В III четверти XIX в., по сведениям исследователей того периода, крестьяне стали строить только белые дома, и к концу XIX в. печи с трубами заменили черные. Изба с топкой по-белому стала господствующим типом. В это же время происходит увеличение размеров окон, появляются косячатые и сдвоенные «итальянские» окна, а в прежних холодных горницах стали сооружаться голландки и печки с лежанками.

ХАРАКТЕРНЫЕ ТИПЫ НАРОДНОГО ЖИЛИЩА В КОМИ АССР

Крестьянское жилище представляло собой очень сложную постройку, объединяющую в единое целое несколько помещений различного назначения. Под одной крышей находятся жилой дом и хозяйственный двор. Обычное расположение этих частей таково, что первая за-

нимает переднюю половину всей постройки, а вторая — заднюю. Гораздо реже встречается расположение двора посредине между летней и зимней избами. Особой формой является постройка, в которой летняя часть жилища занимает всю переднюю половину, а зимняя изба вместе с двором — заднюю (см. ниже).

По форме связи жилой части с двором, по расположению сеней в доме, по взаимной расстановке изб в жилище, по форме крыши, по внутренней планировке жилых помещений на территории Коми АССР выделяется ряд типов народного жилища. Каждый из них обладает своей определенной спецификой, своими характерными особенностями. Окончательное оформление древнейших из ныне существующих типов жилищ относится к XVIII в.

Самым ранним из них, несомненно, является тип домов юго-восточной части Коми АССР. Он отличается как с внешней стороны, так и в части внутренней планировки. Прежде всего следует отметить, что в этом типе не только отдельные избы, но и вся жилая часть в целом и весь двор также имеют каждый свои односкатные покрытия. Устанавливаются дом и двор так, что их крыши сходятся высокими краями, вернее, верхний конец ската кровли двора заходит под верхний же край крыши дома. Таким образом, в целом над всей постройкой оказывается пологое двускатное покрытие. На улицу или реку дом обращен навесом крыши. Фронтонная стена образует здесь боковой фасад. Входят в дом с лицевой стороны через высокое крытое крыльцо и сени, которые устраиваются между избами. Обе избы этого типа сейчас имеют одинаковую планировку. Русская печь в них всегда стоит в одном из углов у стены, противоположной входу, и устьем своим обращена в сторону двери. Вход в голбец (*гöбöч выв*) и полати (*пöлать*) находится там же в глубине помещения, тогда как передний угол располагается возле двери (рис. 19). Эта планировка, как сказано выше, уходит своими корнями в глубокую древность, в те периоды, когда коми жили в землянках, основным источником света в которых была дверь. Форма связи дома с двором напоминает двурядную¹, но вернее будет назвать ее слитно-двурядной, так как срубы жилого

Рис. 19. Один из основных типов крестьянского жилища коми в XIX в.; наибольшее распространение имел в юго-восточной части Коми края (с. Керчемья, фото 1957 г.)

дома и двора объединены в единый комплекс и имеют общую крышу.

Несомненно, что в этом типе сохранилось больше черт древнего жилища коми, чем в других, так как строители его меньше подвергались воздействию русской культуры, поскольку не имели непосредственных границ с русскими. В качестве яркого примера этого типа жилища приведем описание дома Тимушевой Е. П. (село Дон Усть-Куломского района, 1948 год). Он состоит из двух изб. Обе они зимние, с русскими печами и с надпечными окнами (*паччöр öшинь*). Печь стоит в углу у противоположной от входа стены, в одной избе — направо от двери, в другой — налево, вплотную к стене; голбец — сбоку печи, ближе к середине избы. На нем — ступени на печку. Расстояние от печки до потолка таково, что позволяет вполне сидеть, а на голбце, над которым печное окно, даже стоять. Полати расположены выше над полом, чем голбец, даже чем печь, но сидеть на них также вполне воз-

¹ Двурядной связью называется такое расположение жилого дома и хлева, когда они стоят рядом, но обе постройки имеют свой отдельный сруб и отдельную двускатную крышу. Между срубами пространство шириной более метра.

можно. Дети могут на них стоять, не задевая потолка. Над голбцем — люлька, там же на голбце — маленький столик. Под полатами — кровать, далее в переднем углу — стол (налево от двери). Красный угол от потолка до лавки завешан иконами. Там же висит лампада. Вдоль стены — две скамьи. Во второй избе зимой не живут, в ней только — лавки и залавок. Другой мебели нет.

В более раннее время, до современного оформления этого типа, он состоял тоже из двух половин, только вторая была нежилой, холодной и называлась *кум*, что соответствует русскому «клеть». Она служила для хранения домашнего имущества, а летом также в качестве спальни. Затем она превратилась в летнюю избу без печи, и, наконец, в ней появилась печь. Дом получил тот вид, который описан выше. Из новых изменений этого типа следует отметить прирубание сбоку маленькой комнатки (*чулана*). Сейчас пятистенная изба в этом типе дома уже не редкость.

Второй из древних типов состоит тоже из двух изб, покрытых односкатными крышами и установленных друг против друга на расстоянии 1,5—2 метра так, что высокие концы скатов крыш их соприкасаются. Пространство между избами, прикрытое концами досок крыш, образует сени, вход в которые с фасада. Попасть в них можно лишь с довольно высокого крыльца. Таким образом, в целом над домом крыша как бы двускатная. Двор пристроен к дому и также имеет двускатную кровлю. Связь с двором однорядная. На улицу или реку это жилище обращено своей фронтовой стеной, которая является его фасадом.

Избы дома имеют разное назначение и различную планировку. Одна из них является зимней избой с русской печью и имеет типично северно-великорусскую планировку. В настоящее время она выполняет функции кухни. Вторая служила в качестве парадной, летней избы или горницы. Сейчас она является комнатой. В ней ставят только голландку или плиту (в XVIII в. печь в ней нередко вообще отсутствовала), а обстановка приближается к городской (рис. 20).

В качестве примера приведем описание дома Попова К. Г. (с. Кослан Удорского района, 1949 г.), состоящего из 2 изб. Одна построена в 1899 г., вторая — в 1905 г. Односкатные крыши обеих построек соединяются высокими концами и образуют двускатную. Между избами

Рис. 20. Характерная форма крестьянского жилища западной части Коми края (с. Кослан, фото 1950 г.).

расположены сени. Зимняя половина несколько ниже, и окна в ней меньше. Никаких перегородок в ней нет. Глинобитная русская печь стоит в углу у двери устьем к окнам. Между боковой стеной и печью расположен вход в голбец (снаружи с улицы входа нет). Есть полати. Расстояние от потолка до полатей значительное, позволяет свободно сидеть. От печи до передней стены тянутся 2 бруса. Есть одна лавка у передней стены. Красный угол наискось от печи. В этой избе уже не живут, и обстановка почти отсутствует.

Летняя половина более новая, есть изменения в ее устройстве. Полатей нет. Печь стоит в самом углу, вплотную к стене (расстояние от стены 10—15 см). Вход в подполье — через особую дверцу с улицы (из кухни входа нет). Печь обращена устьем к окнам и отделена занавеской. В углу у двери стоит деревянная кровать, возле нее — сундук и стол, за занавеской перед печью есть шкафчик (изделие рук хозяи-

на). Эта изба имеет в срубе две камеры: кухню и небольшую комнату, поэтому сруб этой избы длиннее первой. Отопляется комнатка голландкой.

Устройство двора обычное. Вход в сарай из сеней. В хлеву сруб только в одном из углов. По обеим сторонам звоза вплотную к задней стене двора примыкают два погреба: один двухэтажный, другой одноэтажный. В сени ведет открытое, средней высоты крыльцо. Крыша старой избы более крута и высока, чем у новой, поэтому охлупня нет. Верхний край ската одной заходит под скат другой.

Этот тип дома, как и первый, также претерпел некоторые изменения в результате стремления народных зодчих сделать его более удобным и красивым. Здесь тоже встречаются случаи прирубания маленьких комнат — чуланов, но редко. Наиболее характерно в этом типе превращение сеней в комнату. А сени мастера переносят на боковую сторону между жилой частью и двором. В этом случае возникает тип дома со средней горницей (*шёр жыръя керка*). Именно таким является описанный выше дом Дьяконова А. А. (рис. 12). Крыша этой постройки всегда более крутая, на едином фронтоне, увенчанная охлупнем, который часто украшен резьбой (см. ниже).

С первыми двумя типами связаны своим происхождением также пятистенки и двойни (русский термин XIX в.). Большой пятистенок — сейчас очень распространенный тип дома. Он занимает переднюю половину; сзади к нему пристраивается обычный двухъярусный двор. Сени сбоку между жилой и хозяйственной половинами. Крыша двускатная, крутая, с охлупнем. Кухня и комната по площади равны, вход в комнату из кухни. Планировка последней северно-великорусская (рис. 21, 22).

Внешне очень похожи на пятистенки избы-двойни, только здесь вместо одной внутренней стены две параллельные. Примером может быть дом Южина А. К. (д. Коптюга Удорского района). Он покрыт обычной крутой двускатной крышей с охлупнем. Срубы обеих изб стоят на расстоянии около одного метра. Образовавшееся между ними пространство ничем не занято. Вход — сбоку, через высокое крытое крыльцо прямо в сарай. В него открываются двери обеих изб. Сеней практически нет. В этом и сходных с ним типах домов это нередкое явление (см. дальше). Одна из изб является зимней. В ней — русская

Рис. 21. Распространенный тип дома-пятистенка (с. Помоздино, фото 1963 г.).

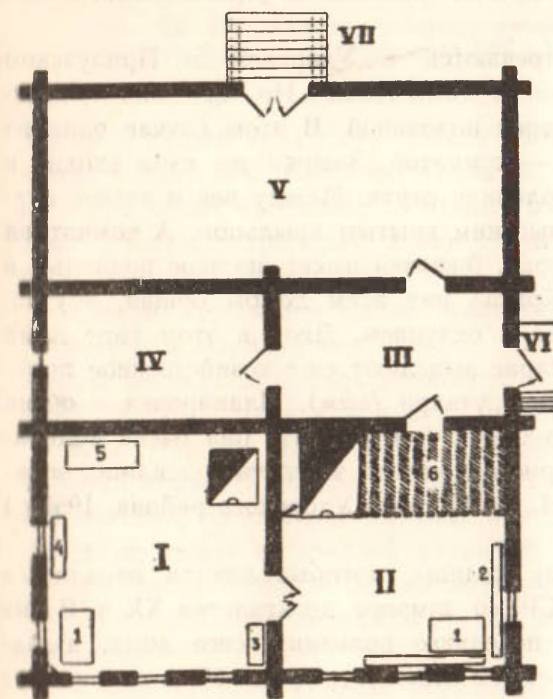

Рис. 22. План дома-пятистенка: I — комната, II — кухня, III — сени, IV — чулан, V — сарай, VI — крыльцо, VII — взвоз, 1 — стол, 2 — лавка, 3 — шкаф, 4 — комод, 5 — кровать, 6 — полати.

печь, полати, лавки вдоль стен и т. д. Другая же является летней, хотя в ней также стоит русская печь. Но зато в ней нет полатей и нет входа в подполье. Планировка обеих изб северно-великорусская. В сарае врублено хозяйственное помещение-клеть (*кум*).

Этот тип дома в описанной форме встречается сейчас довольно редко. Иногда он сопровождается дополнительной зимовкой, пристроенной сбоку. Она может быть на низком подполье. На севере такие зимовки назывались скотной избой. Но может быть и на высоком подполье. В этом случае там устраивается хлев (рис. 15).

По словам стариков, прием устройства двух параллельных стен довольно давний. Возникновение его они объясняют тем, что в этом случае отдельные срубы лучше сохраняются, поскольку единая стена между летней и зимней половинами от разницы температуры и влажности быстро гниет. И второе, этот способ будто бы лучше предохраняет от перехода насекомых (тараканов, клопов) из одной половины в другую. Ведь прежде никаких других способов их уничтожения, кроме вымораживания, не знали.

Избы-двойни больше встречаются в Удорском и Прилузском районах, то есть в западной части Коми АССР. Но чаще они являются лишь частью дома, его летней половиной. В этом случае одна из них служит кухней, а другая — комнатой. Зимняя же изба входит в состав двора. Она занимает половину сарая. Между ней и летней кухней находятся сени всегда с высоким крытым крыльцом. А комнатная дверь открывается прямо в сарай. Зимовка имеет высокое подполье, в котором устраивается хлев. Крыша над всем домом общая, крутая, на высоком фронте и всегда с охлупнем. Двор в этом типе дома очень маленький. Нередко в сарае выделяют еще хозяйственное помещение для хранения различной утвари (*кум*). Планировка в обеих кухнях всегда северно-великорусская. А в комнате она очень индивидуальная. В качестве характерного примера этого типа жилища можно назвать дом Локачева Ф. Н. (д. Острово Удорского района, 1955 г.) (рис. 23).

Очень близки к этому типу жилища, которые начали появляться в южной половине Коми АССР со второго десятилетия XX в. В них летняя часть также занимает переднюю половину всего дома, а задняя делится пополам между зимней избой и двором. Но в отличие от

Рис. 23. Тип жилища, распространенный в Удорском районе. Дом Локачева Ф. Н. (д. Острово, фото 1955 г.).

вышеописанного типа дома летняя изба (а часто и зимняя) — здесь всегда пятистенки. Скот под полом не держат, а в подполье всегда голбец, в обеих половинах со входом из кухни. Крыша тоже двускатная, но уже на стропилах и без охлупня. В качестве примера можно указать на дом Пономаревой К. И. (с. Усть-Вымь, 1949 г.).

Самые крупные и самые маленькие среди одноэтажных домов строились в Прилузском районе. Очень сложные многораздельные здания возводило русское население с. Лойма. Как уже было написано в третьей главе этой книги, русские появились на Лузе не позже XV в. и с тех пор живут бок о бок с коми. Между ними установились прочные контакты. Жилище лоемцев состояло также из зимней и летней половин, причем летняя была или пятистенком, или крестовником, или даже домом со средней горницей. Зимняя же ставилась иногда сбоку, иногда вслед за летней половиной и состояла из избы и сеней. Кроме того, в доме нередко был еще мезонин (по местному, «верхняя избушка»).

Очень крупной строили лоемцы хозяйственную часть. Она состоя-

Рис. 24. Характерный тип жилища русского населения Прилузья (с. Лойма, фото 1958 г.)

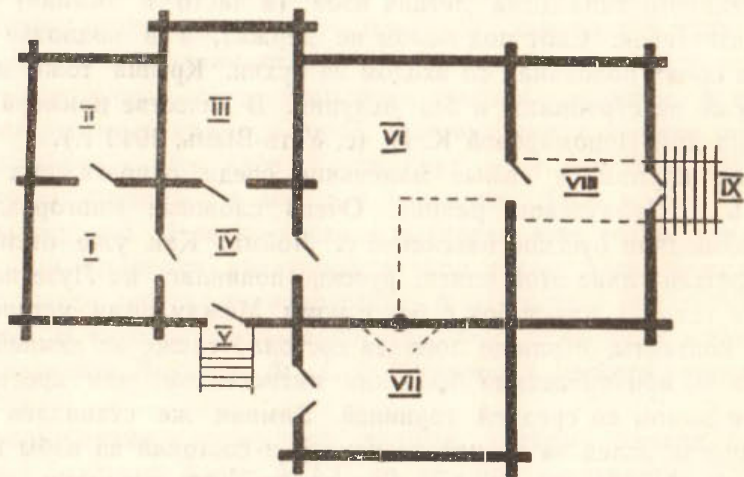

Рис. 25. План подобного дома: I — летняя кухня, II — комната, III — зимовка, IV — сени, V — крыльцо, VI — стая, VII — саннык, VIII — стайка, IX — взвоз.

ла из стай, стайки и санныка. Первая представляла собой обычный двухъярусный двор и шла следом за жилищем. Вверху у нее была повить, внизу конюшня и хлев. За стайей следовала стайка, у которой внизу имелось два хлева, а вверху — низкая повить со взвозом. Саннык стоял сбоку у стай. В настоящее время таких построек уже не делают (рис. 24, 25).

Особым видом является жилище, распространенное в южной части Прилузского района. Оно состоит из одной избы и обычно всегда четырехстенка (в XX в. стали появляться пятистенки), разделенного внутренними перегородками на два-четыре помещения. Печь в нем стоит посередине помещения, чтобы обогревать одновременно весь дом. Вплотную к жилью пристраивается обычный двухъярусный двор, но связь дома с ним может быть не только однорядной, но и глаголеобразной. Здесь же всегда встречается упомянутый уже улич (см.

Рис. 26. Характерный тип народного жилища в летских поселениях: изба с глаголеобразным двором и улич (с. Слудка, фото 1958 г.).

выше). Крыша дома стропильная, двускатная, но нередко с залобком и обязательно с охлупнем (рис. 11, 26).

К концу XIX в. относится сложение на средней Печоре у ижемской группы коми своеобразного ижемского типа жилища. Еще в III четверти XIX в. их жилища почти не отличались от построек коми в других районах края. В «Обозрении Печорского края архангельским губернатором действительным статским советником князем Н. Д. Голицыным» указывается, что «каждая такая изба состоит обыкновенно из двух половин, соединенных между собой сенями; вход в сени с крыльца, расположенного на лицевой стороне избы, причем крыльцо строится на столбах, так как пол и окна самой избы находятся довольно высоко от земли. К крыльцу сбоку приделывается лесенка, сверху же оно или покрывается крышами, или остается непокрытым. Из двух половин избы левая представляет собой нечто вроде кухни, где готовится пища, содержится иногда мелкий скот, и летом и зимой живут сами хозяева; другая правая половина избы служит только для приема гостей»¹.

А к началу XX в. крестьянский дом у ижемцев стал уже иным. Распространяется двухэтажность. С. В. Мартынов, побывавший на Печоре в начале XX в. писал, что «средний крестьянский дом есть двухэтажное деревянное здание с деревянной крышей..., разделенное центральным коридором на две половины. В коридоре помещаются сени и кладовые. В обоих этажах устраиваются по две комнаты; та, которая помещается в верхнем этаже, служит чистой половиной; внизу же одна комната служит кухней, другая — горницей»².

Итак, типичный ижемский дом, как и весьма близкий к нему усть-цилемский, резко отличается от жилищ, распространенных в других районах Коми АССР. Это прежде всего всегда двухэтажная постройка с большим количеством комнат. Здесь нет деления на две самостоятельные избы. Сруб дома — единый. Как минимум, в нем четыре жилых помещения. В нижнем этаже — две кухни, в верхнем — две комнаты. Внутренняя планировка кухни северно-великорусская. В комнатах обстановка городского типа. Примером может быть дом

¹ Н. Д. Голицын. Обозрение Печорского края. Архангельск, 1888.

² С. В. Мартынов. Печорский край. СПб, 1905, ч. II, стр. 26.

Рис. 27. Типичный дом ижемского крестьянина в конце XIX—начале XX в. (с. Ижма, фото 1949 г.).

Канева И. Е. (с. Усть-Уса, 1949 г.), типичный двухэтажный пятистенки; коридор в нем занимает половину одной из нижних камер. Вторая половина ее служит кладовой. В другой стороне дома — кухня. Вместо русской печи — плита. В комнату попадают по лестнице из кухни. В обеих комнатах печи — русские (комнаты связаны дверями). Из второй комнаты есть выход прямо в сарай (он сплошной, без перегородок). Сзади в него ведет взвоз. Во двор можно попасть прямо из сеней.

Следует отметить близость ижемского дома к поморским типам жилища. Нет сомнения, что ижемский дом возник не только под влиянием русской культуры, но и при прямом участии русских. Ижемские коми и усть-цилемские русские поддерживали постоянные широкие взаимосвязи (рис. 27).

Возможность возникновения такого сложного типа жилища на

Ижме объясняется проникновением капитализма на Печору, и в частности, широким развитием торговли. Основные занятия ижемцев — охота, рыболовство и оленеводство приняли ярко выраженный товарный характер. Доход, получаемый от продажи промысловой добычи, привел к некоторому подъему благосостояния части ижемцев и к возникновению указанного типа жилища.

Однако ижемский дом был распространен не по всей средней Печоре и ее притокам, а лишь в тех поселениях, где жили богатые оленеводы и торговцы. В поселениях, которые капитализм захватил меньше, этот тип дома не получил распространения. Там крестьянство продолжало строить одноэтажные жилища прежних традиционных типов. Следует отметить большую роль моды в распространении двухэтажного дома в оленеводческих селениях. Даже малоимущие крестьяне стремились по примеру богачей строить себе большие дома, благо лесу кругом было вполне достаточно. Вследствие этого внешний вид богатого двухэтажного дома часто не соответствовал действительному положению его хозяина. Он не свидетельствовал о хорошем материальном положении ижемских крестьянских масс на Печоре. Упомянувшийся уже С. В. Мартынов указывает, что все население Печорского края резко делится на две группы: на богачей и крестьян, «живущих в вечном долгу, в кабальной зависимости, и внешний достаток их представляет только обман зрения, объясняясь жизнью в кредит...»¹.

Жилища кулачества и торговцев еще более резко отличались от крестьянских. Это были солидные двух- и трехэтажные здания с большим количеством комнат, обшитые тесом и покрытые железными крышами (рис. 28).

Крестьянский ижемский дом также не однообразен. Наиболее распространенным типом является двухэтажный пятистенок, у которого как внизу, так и вверху по два жилых помещения. Крыша над всем домом только двускатная. Сени почти всегда сбоку между жилой частью и двором. Известное распространение имеет и двухэтажный шестистенок. В этом случае вход устраивается с фасада. В нижнем этаже по обе стороны сеней находятся кухни. Во втором этаже три

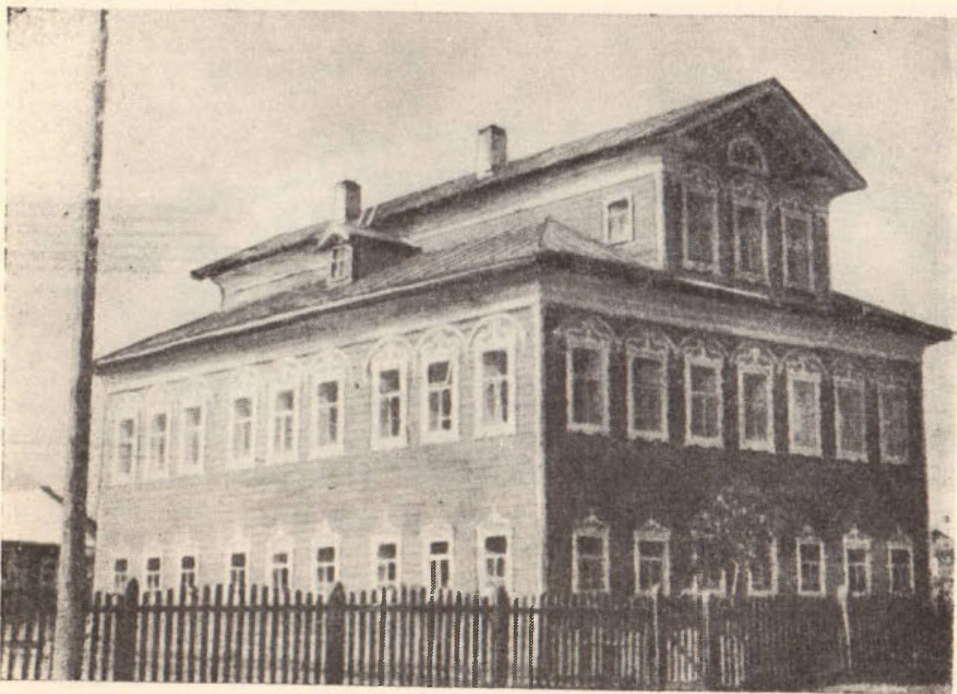

Рис. 28. Тип жилища богатого кулака-олeneвода конца XIX — начала XX в. (с. Ижма, фото Л. С. Грибовой, 1970 г.)

комнаты. Из них средняя, что над сенями, нередко бывает холодной, без печи. Кровля над всем домом двускатная, но над жильем бывает также и односкатной, а второй скат — над двором.

Все эти двухэтажные постройки являются наследием прошлого века. В настоящее время индивидуальные застройщики таких домов не строят. Ижемцы вернулись к одноэтажному дому. Правда, нередко встречается устройство мезонина.

В качестве примера можно привести описание дома Артеева Г. А. (с. Усть-Уса, 1950 г.). Он одноэтажный, с мезонином, в котором устроена комната. Вход в нее ведет из кухни, по лесенке за печкой. Внизу, кроме кухни, есть две комнаты. Двор — обычной формы.

Примером большой роли торговли, в частности, регулярных яр-

¹ С. В. Мартынов, указ., соч. стр. 103.

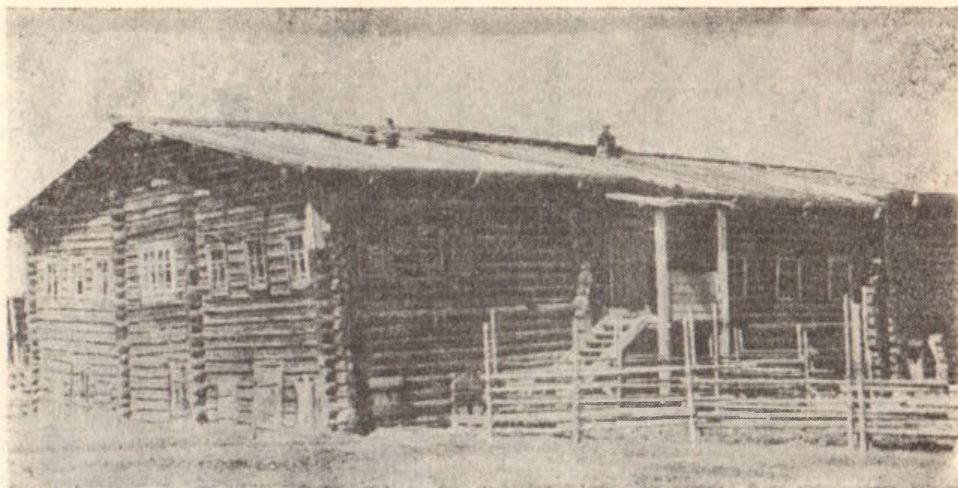

Рис. 29. Типичный крестьянский дом в с. Важгорт (фото 1954 г.).

марок, в возникновении двухэтажных многокомнатных домов может служить село Важгорт. Большие постройки, характерные для этого поселения, вызваны именно функционированием в нем Крещенской ярмарки. Местное крестьянство, даже не торговое, учитывая, что съезжающимся на ярмарку купцам необходимы лавки для торговли, помещения под склады товаров и квартиры, начали строить двухэтажные дома, причем нижние этажи их обычно отводили под лавки, склады, а верхние под жилье и сдавали их в аренду купцам.

Важгортские двухэтажные постройки резко отличаются от ижемских. Это совсем иной тип дома. Прежде всего, он четко делится на три части: передняя половина, затем двор и уже за ним зимняя изба. Именно здесь известна такая зимовка, у которой в подполье помещался скот (рис. 15). Затем передняя летняя половина, как правило, жилая только в верхнем этаже. Там и кухня, и комнаты (обычно две). Только в кулацких домах оба этажа были жилыми. Передняя часть дома может быть пятистенной или шестистенной (со средней горницей). Вход в дом — всегда сбоку, между передом и двором. При этом, поскольку сени находятся на втором этаже, типичным является очень высокое, крутое, всегда крытое крыльцо (рис. 3, 29).

ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК

Крестьянский двор в прошлом отличался большим разнообразием хозяйственных построек. При описании типов жилища уже охарактеризованы сени, двор, состоящий из повити (*сарая*) и хлевов, улич (или саннык) и подполье. Остались неописанными овины, амбары, погреба, бани, дровяники и загоны. Из них в качестве элемента народного зодчества наибольший интерес представляет амбар (*жытник*, *турыш*). Это небольшой сруб площадью 3×3 или 3×4 метра, высота его всего 8—10 венцов. Как правило, амбар покрывается двускатной крышей на фронте. Доски крыши сверху прижимают охлупнем, а нижние их концы упираются в водосточные желоба, укрепленные на курицах. Односкатные крыши теперь редки, но в прошлом, особенно на охотничьих амбарах (*тшамъя*), кровля была в основном односкатная. Это придавало определенное своеобразие этим сооружениям. Надо сказать, что хозяйственные постройки, стоящие отдельно от дома, зачастую и теперь имеют односкатное покрытие. А односкатность, как подчеркивалось выше, издавна была характерной особенностью строительного искусства сельских зодчих коми.

Амбары (рис. 30, 47) служили для хранения зерна, муки и других продуктов. Поэтому строители стремились установить их так, чтобы обезопасить от грызунов. Охотники в лесу нередко укрепляли их на высоте, до 4-х метров, толстом столбе и сами проникали в них по приставной лестнице, изготовленной из бревна, на котором делались зарубки в качестве ступенек. В деревнях на такую высоту амбары не поднимали, так как трудно до них добираться, но подпорки высотой от 0,5 м до одного метра были обязательны. Устройство этих опор довольно разнообразно. Наиболее характерными и наиболее распространенными из них являются грибовидные. Опорный столбик подтесывается конусом так, что напоминает собой гриб или перевернутую кверху дном ступу. Реже встречаются опоры, имеющие двусторонние затесы, и совсем редко просто круглые. Последние встречались лишь в южных районах Коми АССР. В западных районах встречается еще один способ: на землю кладется один венец сруба, а на него на каждый угол устанавливаются вертикально полуметровые брусочки.

Рис. 30. Типичная форма амбара
(с. Керчь, фото 1963 г.).

А уже на них укрепляются горбыли плоской стороной вниз, на которых и стоит сруб амбара.

Крыша амбара всегда имеет большой навес над входом. Перед дверцей — площадка для удобства проникновения в помещение. Очень своеобразна лесенка перед амбаром. Она состоит из нескольких (3—5), врытых в землю, ступеньками понижающихся чурбаков. Реже встречается лесенка из бревна с зарубками (рис. 47). Стоят амбары или против домов на противоположной стороне улицы или проезда, или же выносятся группами в сторону от жилья, что, говорят, безопаснее на случай пожаров.

Из других перечисленных хозяйственных построек можно остановиться еще на овинах (*рыныш*). Местное население знало русский верховой овин, отличающийся от него коми овин, напоминающий по типу ригу, и временные овины типа конического шалаша¹, которые в прошлом были широко известны у всех восточных финно-угорских народов.

У северных великорусов большое распространение имели ветряные

¹ Л. Н. Жеребцов. Занятия крестьян локчимских селений в XIX — начале XX вв. Ист.-фил. сб. Сыктывкар, 1968, вып. 8.

мельницы. На территории Коми АССР они вообще не известны. Местное население пользовалось ручными жерновами и изредка строило водяные мельницы. Это тоже специфическая отличительная черта народного зодчества в Коми АССР.

УКРАШЕНИЕ ЖИЛИЩА

Народные зодчие очень внимательно выбирали место для застройки, место будущего поселения. Они очень многое принимали во внимание, заботились и о красоте самого места поселения, и о красоте возводимых ими построек. Конечно, на первом месте стояла целесообразность того или иного сооружения, его пригодность в местных условиях, соответствие привычкам и характеру жителей. Но и эстетическая сторона никогда не забывалась. Поворот к свету, к солнцу, речным просторам вызвал рядовое расположение домов. Стремление не закрывать себе и соседу горизонт было одной из причин беспорядочного расположения построек.

Зодчие стремились украсить жилые и хозяйственные сооружения. Ни один из элементов жилища, который по своему положению мог служить усилению эстетического воздействия на человека, не был оставлен без внимания древними зодчими. Пользовались они очень скудными средствами, но достигали большой выразительности.

Шесть окрашенных белилами окон ярко выделялись на темном фоне передней стены. А до появления больших окон мастера умело располагали маленькие. Пока все три были волоковыми, то средние поднимали выше. Когда одно из них стало косячатым, то его размещали или в центре, или сбоку, в зависимости от того, где оно лучше смотрелось (рис. 12, 13).

Между окнами двух изб центральное место занимало крыльцо. Его украшению уделялось особое внимание. Устанавливали его и на срубном основании, и на четырех (или на одном) столбах. Делали открытым (изредка) и крытым (обычно). Украшали резьбой, раскрашивали. Излюбленным цветом был желтый. Встречались, правда, и синий, и коричневый. Высокое, покрытое резьбой и ярко окрашенное крыль-

Рис. 31. Реалистическое изображение коня на охлупне крыши (с. Важгорт, фото 1954 г.).

цо очень украшало фасад жилища (рис. 13). Этот шестиоконный комплекс с крылечком посредине — характерная особенность жилищ коми. Еще большее внимание уделялось фронтонам и крышам изб. Здесь главную роль играла резьба. Как и во всем народном прикладном искусстве, основным элементом был богатый геометрический орнамент. Важное место в народном искусстве играло и подражание природе. На фронтонах изображались в основном кони, утки, гуси и некоторые другие животные. Отсюда и обычное название охлупня — конек, хотя он далеко не всегда изображает коня. Иногда у этих коней очень реалистично вырезаны голова, уши, шея, грудь и даже ноги с копытами (рис. 3, 31). Но чаще изображение очень схематичное, грубое, оно больше напоминает гусиную шею, чем конскую голову (рис. 40). Возможно, правда, что мастер в данном случае вырезывал как раз не коня, а птицу.

Более отчетливые контуры птиц имеют так называемые журицы (журич) — крюки для крепления водосточного желоба.

В северных районах, где большое развитие имело оленеводство, вместо коньков на охлупнях крыш и даже крылечках укреплялись

Рис. 32. Фронтон дома, богато украшенный резьбой и раскраской (д. Острово, фото 1954 г.).

оленьи рога (рис. 21). Иногда натуральные рога заменялись вырезанными из дерева.

Большое значение придавали мастера украшению фронтона жилища. Для этого использовали устройство балкончиков, которые имели, как правило, чисто декоративное значение, в хозяйстве не использовались (рис. 37, 38). Резной, раскрашенный балкончик очень оживлял глухую затемненную навесом крыши линию фронтона. Дом сразу становился наряднее и приятнее для обозрения. Гораздо реже встречаются резные кронштейны крыши, подзоры и полотенца на фронтоне. Зато относительно широко распространены резные наличники. Они очень разнообразны — от самых простых пропиленных до исключительно сложных резных. Имеется и глухая резьба, и ажурная (рис. 33, 43). Есть орнаменты исключительно сложные и качественно исполненные. К большому сожалению, пока неизвестны фамилии их исполнителей. Среди других, более редких способов украшения жилища встречается обшивка углов дома, на досках которой также имеется резьба (рис. 39).

Из хозяйственных построек чаще бывают украшены ворота улич (санника) (рис. 34).

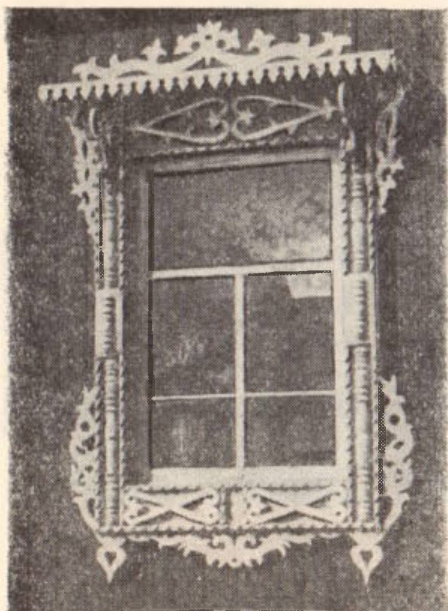

Рис. 33. Резной наличник (пос. Подтыбок, фото 1963 г.).

Орнаментальные мотивы, распространенные в резных украшениях, пока еще не изучены. Они близки к орнаментальным мотивам, распространенным в других областях народного прикладного искусства: в ткачестве, плетении, и, конечно, резьбе по дереву.

Изучение районов бытования различных способов украшения жилища указывает на более широкое распространение их в западной половине Коми АССР. Именно там мы встречаем коньки на охлупнях, резные наличники и балконы, обшивку домов и резьбу на воротах. В этом также, как и в большом разнообразии типов жилища, проявляется русское культурное влияние.

Из западных районов республики наибольшее распространение украшения имеют в Ижемском, там богато представлены обшивка и окраска домов, оленьи рога на охлупнях и резные наличники; в Удорском, где сохраняются наиболее выразительные коньки на охлупнях и балкончики; в Прилузском, в котором есть коньки на охлупнях, правда, более схематичные по выполнению, балконы, наличники, резьба на воротах улич и обшивка углов дома; и, наконец, в Сысольском

районе, где можно встретить балкончики, резьбу на наличниках окон и подзорах фронтона.

Повсюду наиболее богато украшались дома кулаков и торговцев. Но здесь нередко были полностью заимствованные, не связанные с национальными традициями способы украшения. В Удорском районе, например, встречаются фронтоны, расписанные изображениями зверей, отдаленно напоминающих львов, фантастических птиц и растений (рис. 32).

Народная резьба по дереву, безусловно, заслуживает специального изучения и сохранения.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЛИЩЕМ

Вся жизнь коми крестьянина в дореволюционное время была опутана различными суевериями. Господствующей идеологией в России была религиозная. Дело образования и воспитания народа находилось в руках церкви, которая использовала все средства для усиления религиозного фанатизма.

Наряду с христианской религией в быту народа уживалась масса всяческих суеверий, имевших еще дохристианское происхождение. Широкое распространение имели всевозможные приметы, обряды и обычаи. Уже выбор места для строительства дома не был произвольным, а подчинялся определенным обычаям. Так, по словам В. П. Налимова, «зыряне, когда строят новый дом, то стараются строить на том месте, где был старый, где жили деды и где обитают души предков»¹. Переселение же на новые места считалось возможным лишь при условии, что кто-либо из членов семьи останется жить на прежнем месте. Нарушение этих правил влекло за собой будто бы лишение виновных покровительства предков и, следовательно, защиты от несчастий.

¹ В. П. Налимов. Загробный мир по верованиям зырян. Этнографическое обозрение. М., 1907, № 1—2, стр. 5.

Как известно, дома строились из сосны. Однако считалось, что далеко не всякое бревно годно для этой цели. Деревья выбирались по особым приметам, так как будто бы среди них могли быть и такие, которые обладали несчастливыми признаками, например, обязательно должны были сгореть и т. п. В некоторых районах, особенно у коми-пермяков, для того, чтобы избежать в будущем несчастья, специально для выбора подходящих деревьев или просмотра уже подготовленных бревен приглашали знатока из стариков или даже колдуна (*тōдысь*). Ходили всевозможные слухи о подобных несчастьях, например, о пожарах, возникших будто бы лишь потому только, что хозяин дома в свое время не поверил колдуну и отказался выбросить из сруба указанные им опасные бревна и т. п.

При закладке первых венцов сруба приглашался церковный причт и отслуживался молебен, а затем хозяева подкладывали под передний угол монету или крыло рябчика или утки, а под соседний угол осиное гнездо или клочок шерсти с целью приманить богатство к дому, обеспечить плодovitость скота и т. д. В некоторых районах под порог дополнительно высыпалась горсть муки.

Подобным же образом оформлялось начало строительства жилища и у коми-пермяков. «Дело строительства, как и всякое серьезное, начинается молитвою,— указывает автор начала XX в.,— молятся только семейщики у себя в доме, и помолясь идут на работу — рубку стен»¹.

В начале устраивался фундамент, и в это же время рядом рубили частями сруб. По обычаю первый удар наносил тот, для кого строился дом. Отрубив одну щепку, хозяин хранил ее до тех пор, пока не начинали класть стены дома на фундамент. Тогда он подкладывал под первый венец в красном углу упомянутую первую щепку, монету, чтобы тем самым обезопасить новый дом от проникновения кикиморы. И. И. Смирнов, писавший в последние десятилетия XIX в., уточнял, что «приступая к постройке нового дома, пермяк кладет в землю несколько мелких монет, разный зерновой хлеб и разных цветов овечью шерсть», для того, чтобы в новом доме водились деньги, хлеб и скот².

¹ В. М. Янович. Пермяки. Живая старина. СПб, 1903, вып. I—II, стр. 98—99.

² И. И. Смирнов. Пермяки, стр. 284—285.

После закладки первого, так называемого окладного, венца сруба устраивалось угощение для помочан. Хозяйка прямо на земле посреди сруба расстилала овчину шерстью вверх и на нее устанавливала приготовленные кушанья. Правда, такой обычай был отмечен только у пермяков. Но при подъеме сруба хозяева везде и всегда ухаживали за работниками, стараясь, чтобы они на них не обиделись, потому что верили в то, что обиженные плотники могут посадить где-либо в сруб *шеву* (кикимору), которая потом не дает обитателям спокойно жить. В доме будет «чудиться», «казаться», кикимора будет стучать и шуметь по ночам, не будет давать спать и т. д. Обычно считалось, что возникает она из заговоренной и запрятанной плотниками щепки. У коми-пермяков рассказывают, что для создания кикиморы плотники вырезывали из щепки куклу, обмазывали ее кровью из ранки, случившейся в период работы, а иногда даже раскалывали ей голову (чтобы она была особенно злая) и запрягивали ее в специально вырубленном пазу в каком-либо бревне.

Считалось, что избавиться от кикиморы возможно разными способами. С этой целью, например, новоселы топили печь оставшимися от дома щепами. «Когда все щепки израсходуются, кикимора отойдет от дома и не будет нарушать спокойствия живущих». В особо трудных случаях хозяева для помощи приглашали колдуна, который будто бы или сам находил кикимору или же с помощью заговора вызывал виновного и заставлял его указать, где она запрятана. Только после этого в доме восстанавливались мир и покой.

В 1962 г. в период нашей поездки по Троицко-Печорскому району старики-плотники рассказывали нам, каким образом в действительности они делали эту кикимору. Наиболее распространенным способом было закладывание между бревнами маленьких бутылочек так, чтобы в горлышко бутылки через щель попадал ветер. И такая кикимора в зависимости от силы ветра, направления его и других условий издавала свист, визг и прочие звуки.

Специальными обрядами отмечали подъем матицы и князевого бревна. В разных районах эти обряды несколько отличались. Так, в некоторых районах к матице привязывали пирог с рыбой (*черинянь*), который после подъема и благополучного размещения матицы снимали и съедали. В других местах (например, на Удоре) после установ-

ления матицы на месте на сруб по красному углу влезал один из плотников, обычно не являющийся родственником застройщику и, получив в руки чашу с хлебом и бутылку водки, обходил по всему сруб, а также по матице и по тому же углу слезал обратно. Этим хлебом и водкой угощали плотников.

Подобный же обряд имел распространение и у коми-пермяков. «Когда срубы выведены под потолок,— пишет В. М. Янович,— наступает самое важное дело в постройке: подъем матицы. Заготовленное для матицы и надлежавшим образом отделанное бревно поднимается на место таким образом: сначала его слегка приподнимают по стене, а затем к середине матицы привязывают лаптевыми опоясками завернутый в белый холст рыбный пирог (символ будущего довольства домохозяина). Матицу осторожно, чтобы не смять и не раздавить пирог, вместе поднимают кверху и кладут с деньгами и шерстью (чтобы было довольство и скот в доме водился) в заблаговременно приготовленное гнездо. Все молятся богу, кто-нибудь из искусников идет на заработок за пирогом, холстом и опоясками»¹. Он влезал (без лесов и подставок) по красному углу на сруб и, помолясь богу, отправлялся по одному бревну по солнцу до следующего угла, где также молился, а затем — в третий угол и оттуда к красному углу. Не дойдя до него, он сворачивал на матицу, шел по ней, снимал пирог и, положивши его на голову и поддерживая левой рукой, отправлялся снова к красному углу. Закончив полный круг и все еще придерживая пирог на голове левой рукой, он опять молился, снимал пирог с головы и слезал вниз по углу же. Холст и опояски служили наградой за труд, пирог делился между всеми работниками. После поднятия матицы больше уже не работали. Хозяин устраивал угощение. По словам И. Смирнова, оно организовывалось опять же на овчине, разложенной посреди сруба.

Точно также по-разному отмечался подъем «князя». В иных поселениях плотники делали вид, что не могут его поднять, и бревно у них срывалось до тех пор, пока хозяин не подносил им водки. Известен и другой обычай, по которому плотникам, сидевшим на уже поднятом князе, подавались пиво (*сур*) и пирог с рыбой (*черинянь*),

¹ В. М. Янович. Указ. соч.

которые они должны были там съесть в знак будущего благополучия и довольства обитателей нового дома.

Не только со срубом, но и с отдельными частями его были связаны различные поверья. Так, например, крестьяне были уверены в особом магическом значении дымоволока: именно через него, по их суеверному представлению, проникали в дом или в баню к родильнице различные духи, могущие повредить ребенку. Точно так же другие злые духи могли попасть в дом через дверь. Чтобы этого не случилось, над дверью вешалась щучья челюсть или скелеты горностая и некоторых других животных, или втыкалась ветка можжевельника, которые будто бы имели силу отгонять духов от дома. С этой же целью входные двери в дом и хлев окрашивались смолой, или же на них ставили смолой кресты.

Впрочем, нечистая сила могла проникать в дом через окна, особенно через *паччёр õшинь*, если его не закрыть. В период святочных празднеств до крещения, когда черти будто бы свободно гуляли по земле, они через незакрытые окна могли пролезть в дом, приняв какой-либо необычный вид, например, лошадиной ноги с копытом. Изгнать черта могла только хозяйка дома, одев свадебный наряд и начав молиться перед иконой. Исчезал черт через то же окно.

Особым почетом в доме окружалась печь. По словам В. В. Кандинского «в некоторых местностях почитался не только самый очаг, но даже часть дома, принадлежавшая к нему, считалась неприкосновенной»¹. С печью были связаны различные обряды, отражающие древний культ предков. Она являлась символом семейного благополучия и уюта, а поэтому для того, чтобы в новом доме всегда было всего достаточно, при кладке печи на под ставились сметана, рыба, хлеб и другие продукты питания.

Эта вера уходит корнями в глубину веков, в те далекие времена, когда огонь был основным защитником человека от холодов и других неблагоприятных стихий, помогал ему в борьбе с хищными животными, давал тепло и свет темными ночами, улучшая качество пищи и т. д.

¹ В. В. Кандинский. Из материалов по этнографии сысольских и вычегодских зырян. Этнографическое обозрение, М., 1889, № 5, стр. 108.

Огонь обожествлялся древним человеком. У очень многих народов известен культ огня, позднее культ домашнего очага. Этот древний культ и сохранился у коми вплоть до XX вв. в обряде почитания печи.

Коми верили в то, что в каждом доме имеется домовый, который однако поселяется лишь в том случае, если в жилище есть печь. Если ее нет, то и домовый там не поселяется. О происхождении культа домового очень убедительно рассказано в книге И. Акимушкина¹. Именно такой «домовой» встречался в действительности. В упоминавшемся уже Троицко-Печорском районе в 1962 г. информатор М. И. Пыстина (70 лет) рассказала о том, что ее отец видел домового в конюшне. Это был не большой зверек. Старик считал, что они бывают разной окраски и, соответственно, любят животных своей масти и плохо относятся к другим. Именно поэтому, дескать, не все животные приживаются в хозяйстве. Старик уверял дочь, что никаких других домовых, кроме этих зверьков, не бывает. Очевидно, что зверек, которого видел старик, была ласка.

Ряд исследователей считает, что культ домового имел прямую связь с культом предков, обосновывая это тем, что домовый встречается будто бы только в тех постройках, где люди живут постоянно, где появляются новые и умирают старые, где обитает человеческая семья, а во временных постройках, даже если в них есть очаги, как, например, в лесных избушках охотников, домовый будто бы не живет. Следовательно, дескать, он является духом семейного очага, духом-покровителем семьи и домашних животных.

Однако утверждение, что домовый встречается только в жилище, для религиозных представлений коми неточно. У коми духи, подобные домовым, обитали не только в домах, но и в овинах (*рыныш-айка*) и в банях (*олыся, бубыля*).

В с. Лемтыбоже (1962 г.) старухи рассказывали нам о проделках этих духов. Однажды, дескать, забыла хозяйка белье в бане и послала за ним маленькую дочь. Ушла девочка и назад не возвращается. Забеспокоилась мать: «Не случилось ли чего? Время-то позднее», — и обратилась за помощью к зашедшему к ним в гости старику, который умел с нечистой силой бороться. Вошел старик в предбанник и видит:

¹ И. Акимушкин. Тропою легенд. М., 1961.

сидит девочка в бане и плачет. Спросил он ее, в чем дело, почему домой не идет. Она ответила, что ее женщина в желтом сарафане не пускает, у порога стоит. Никакой женщины старик не увидел, но понял, что девочке явился банный дух или его жена (по верованиям коми, вся эта «нечистая сила» тоже живет семьями). Чтобы самому не попасть под влияние «олыся» и спасти девочку, старик протянул ей руку через порог, приказал крепко держаться за его мизинец и таким образом вывел ее из бани и спас от похищения.

Домовой считался добрым духом. Однако в случае недовольства он мог провинившихся жестоко наказать, даже умертвить, поэтому обитатели с помощью особых обрядов стремились задобрить его.

При переезде из старого дома в новый хозяева приглашали домового последовать за ними. В некоторых домах хозяин дома, взявши с божницы икону, подходил к голбцу и звал его: «Соседушко, братанушко, пойдем в новый дом, как жили в старом доме хорошо, так будем жить и в новом — люби мой скот и семейство»¹. У коми-пермяков при уходе в новый дом семья оставляла в старом свои ношенные лапти в качестве экипажа для него и приглашала его следовать за собой в новый дом, в котором прежде всего открывали дверцу в подполье, чтобы домовый мог пройти в свое новое помещение.

По народным приметам, переселение всегда сопровождалось различными несчастьями: требовалась жертва. «Зыряне радуются, — писал В. Кандинский, — если домовый «навалится», как они выражаются, на скот, так как зачастую при переселении мрут и люди. Это наводит такой страх, что многие новые дома даже в Усть-Сыольске так и остаются необитаемыми»². Прежде чем войти в новый дом, хозяин пускал в избу петуха и курицу, и все ждали до тех пор, пока петух не пропоет. Только после этого семья входила в дом, и первым делом хозяин ставил в красный угол принесенную икону.

Но особо сложно обставлялся переход в новый дом в тех случаях, когда переселялась только часть семьи, а остальные оставались в прежнем жилище. В начале XX в., как указывает В. М. Янович, «при разрешении вопроса о переселении хозяев в новый дом необхо-

¹ И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 284—285.

² В. В. Кандинский. Указ. соч., стр. 109.

димо считаться с двумя обстоятельствами: и себя не обидеть, и ближнему человеку порадовать. Если при переселении у вас будет затоплена печь раньше, чем у оставшихся, это хорошо: вы будете жить безбедно. Зато плохо бывает запоздавшим. Этот вопрос вызывает много хлопот с обеих сторон и обыкновенно разрешается так. Хозяйки обоих домов в один час заводят квашенки, каждая в своей, так как печь приведет уже в разных печах и, как только заведут, дают им подняться»¹. Ровно в полночь новая хозяйка брала свою квашенку, впереди ее ставился хозяин с иконой, а сзади кто-либо из домашних с черным петухом и курицей. И если был еще кто-либо из близких, то тот брал с собой кота (тоже желателен был черный). И вся процессия отправлялась в путь. Вошедши в новый дом, хозяин ставил в передний угол икону и опрометью бросался открывать печную трубу, хозяйка также поскорее ставила квашенку и начинала разводить огонь. Все дело заключалось в том, чтобы затопить скорее. Оставшиеся в старом доме члены семьи, боясь, чтобы счастье не перешло в новый дом, принимали свои предупредительные меры: они надевали на себя вывернутые шерстью наружу шубы, на руки одевали теплые шубницы (фукавицы), а на голову шапки и сидели на лавках до тех пор, пока выселяющиеся не выйдут из избы.

Увидев дым из трубы, свидетельствующий о том, что переселение совершилось, соседи начинали посещать новоселов. При этом каждый, входя в новый дом, вручал хозяевам какой-либо небольшой подарок. По обычаю, с пустыми руками в новый дом входить не полагалось.

Новоселье отмечалось празднеством. В тех районах, где был распространен обычай строительства жилища с помощью «помочей», хозяева после окончания работы устраивали угощение для всех участников.

Кроме описанных обрядов и обычаев, существовало еще много разных примет. Так, например, запрещалось выносить что-либо из избы или ходить в амбар после захода солнца, так как это будто бы угрожало обнищанием, разорением и т. д.

Описанные обычаи и обряды возникли в глубокой древности, еще в период первобытнообщинного строя. Благодаря господству рели-

гиозной идеологии, они дожили до XX в. Религия не только способствовала сохранению подобных суеверий, но и сама являлась источником возникновения новых. Суеверия сохранились именно потому, что народ верил в их действительность. Все несчастья в жизни объяснялись несоблюдением тех или иных обрядов. Как правило, суеверия особо подерживались в среде крестьянской бедноты, которая могла надеяться только на чудо, чтобы выбиться из нужды и бедствий. Жизнь бедняка была тяжелой и беспросветной, а человек не мог жить без какой-нибудь, хотя бы призрачной, надежды. Усердным соблюдением всех обрядов и обычаев он надеялся повернуть свою судьбу, поймать счастье и успех.

Конечно, все эти суеверия ничуть не помогали людям. Наоборот, они очень мешали, но задавленное нуждой и лишенное образования крестьянство не могло само освободиться от религиозных суеверий. Только после Великой Октябрьской социалистической революции, вследствие резкого подъема культуры народа, они стали забываться и исчезать из быта. Сама жизнь приводила теперь людей к убеждению в ненужности религии, в ее бесполезности и даже вредности. Подъем материального и культурного уровня вызывает соответствующие изменения и в быту народа и в его сознании. Люди увидели, что дело не в обрядах и их соблюдении, а в труде, что именно труд создает материальные ценности, создает условия для лучшей жизни.

За годы социалистического строительства люди просто забыли эти обряды ввиду их ненужности. Это относится и к вышеописанным обрядам, связанным с жилищем. Только старики и старухи верят еще в существование домовых и прочих духов и сетуют на то, что молодое поколение забыло об этих духах и, следовательно, будто бы лишило себя их покровительства и помощи. Однако нельзя сказать, что вера в домовых и прочую «нечисть» уже совсем ушла в прошлое.

В 1962 г. в с. Митрофаново Троицко-Печорского района нам сообщили, что еще несколько лет назад одна семья продала свой дом, так как их будто бы невзлюбил домовый. Рассказывали нам следующее. Каждый вечер около полуночи, когда семья укладывалась спать, хозяйка слышала, как кто-то шел по сараю, скрипя половицами, входил в сени и начинал шарить в темноте, разыскивая дверь. Несколько раз выскакивали хозяева в сени, но там никого не было.

¹ В. М. Янович. Указ. соч.

Слышали шаги и шорохи только взрослые. Дети спокойно спали. Все попытки увидеть или поймать шутника не удались. Хозяйка совершенно измучилась. Спасение пришло неожиданно. «Знающий» старик посоветовал купить черную лохматую собаку. Она и отогнала нечистую силу. Пока эта собака была в доме, всякие хождения прекратились, но как только собака издохла, все началось снова. После этого хозяева продали дом и построили себе другой. Новые владельцы живут в этом доме и по сей день спокойно, ни разу никто их не беспокоил.

В данном случае, возможно, имели место или коллективное самовнушение, или выходка какого-либо шутника. О том, что подобные вещи действительно делались, нам рассказывали в том же Троицко-Печорском районе. Информатор заявил, что устроить шорохи, шум и стук от имени домового или кикиморы не представляет труда (единственно только приходится жертвовать своим сном) и привел в качестве примера проделки своего родственника, который лет тридцать назад неоднократно пугал своих соседей стуком из подполья и тому подобными выходками.

Нечто подобное слышали мы в Сыктывкаре, где также лет пять назад одна семья продала свой новый дом только потому, что дескать, в нем завелась какая-то «нечисть». Хозяева решили, что их невзлюбил домовый и поэтому в этом доме для них жизни не будет, и продали его. Эти люди, всерьез верившие в существование домового, были еще далеко не старики (45—50 лет).

Конечно, такие случаи теперь исключительно редки.

В Коми АССР в последние годы особенно широко развернулось жилищное строительство. Тысячи семей переселились в новые дома и живут в них гораздо лучше, чем в старых, хотя они ни во время стройки, ни при вселении не исполняли древних обрядов.

Довольно широкое распространение еще имеют помочи и угощение помочан, пропивание матицы, князя и т. д., но в них уже не вкладывается религиозное содержание. Происходит просто угощение всех участников, помогавших подъему сруба, или только плотников с целью добиться от них лучшей работы. И даже внешнего религиозного оформления они не носят. Они используются в качестве предлога для испрашивания или организации угощения.

Встречается также иногда закладывание денег в передний угол

или даже под все четыре угла, но обычно используют вышедшие из употребления старые деньги. Обряд выполняется формально, прежний религиозный смысл он утратил, поскольку хозяин не боится обмануть сверхъестественные силы, подсунув им негодную монету.

С развитием культуры старое уходит из быта народа все быстрее и быстрее. Теперь уже нет тех условий, которые порождали и поддерживали суеверия. И этот процесс исчезновения имеет большое положительное значение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

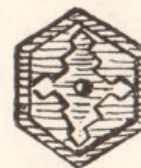
Зодчество любого народа, в том числе и коми, является весьма сложным элементом народной культуры. Есть в нем что-то общее для всех видов построек и что-то свое индивидуальное, характерное только для данной конкретной постройки. На сложение общих черт повлияло обитание народа в определенных природных условиях. Например, для многих народов, обитающих в таежной зоне, характерно устройство высокого подполья под домом, объединение под одной крышей нескольких построек разного назначения и т. д. Известную роль в выработке общих черт сыграло и взаимовлияние народов друг на друга. Индивидуальную же неповторимость придает постройке мастерство ее создателя. И прежде всего она выражается в украшении жилища, в его декоративной стороне, которая является как бы выражением личности мастера, его склонностей, его понимания сущности прекрасного. Наиболее яркие, наиболее выразительные из таких редких единичных зданий становятся уникальными памятниками народного зодчества. Одновременно памятниками зодчества являются и самые типичные постройки, наиболее выразительно сконцентрировавшие те особенности местного домостроения, которые делают жилища и другие строения данного народа не похожими на подобные же другого народа. В создании устойчивых типов жилища нашло свое выражение искусство мастеров-строителей, старавшихся строить дом практичнее, удобнее и красивее, делать их отвечающими эстетическим требованиям народа и природным условиям. Типы народного жилища,

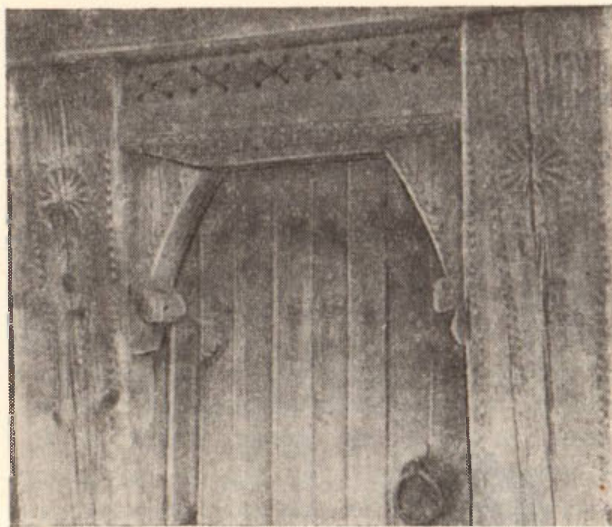
распространенные на территории Коми АССР, являются весьма выразительными памятниками сельского домостроительства.

Памятником народного зодчества является также и само селение со всеми его характерными особенностями, потому что и в них нашло свое выражение стремление к красоте. Это проявилось и в выборе места, и в планировке селения, и в мудром сочетании человеческого искусства с искусством природы.

Необходимо изучать многовековое народное зодчество, надо понять его, выбрать отвечающее нашей эпохе и применить в нашей жизни. И поскольку мы не являемся Иванами, не помнящими родства, постольку необходимо беречь архитектурные достижения старых известных мастеров-строителей, надо сохранять памятники культуры и быта, показывающие жизнь нашего народа в прежние века. Цель данной книги как раз в том и состоит, чтобы обратить внимание современного человека на народное деревянное зодчество прошлых веков, понять его, оценить и сохранить для потомков его лучшие образцы. Если читатель заинтересуется народным зодчеством, цель книги будет достигнута.

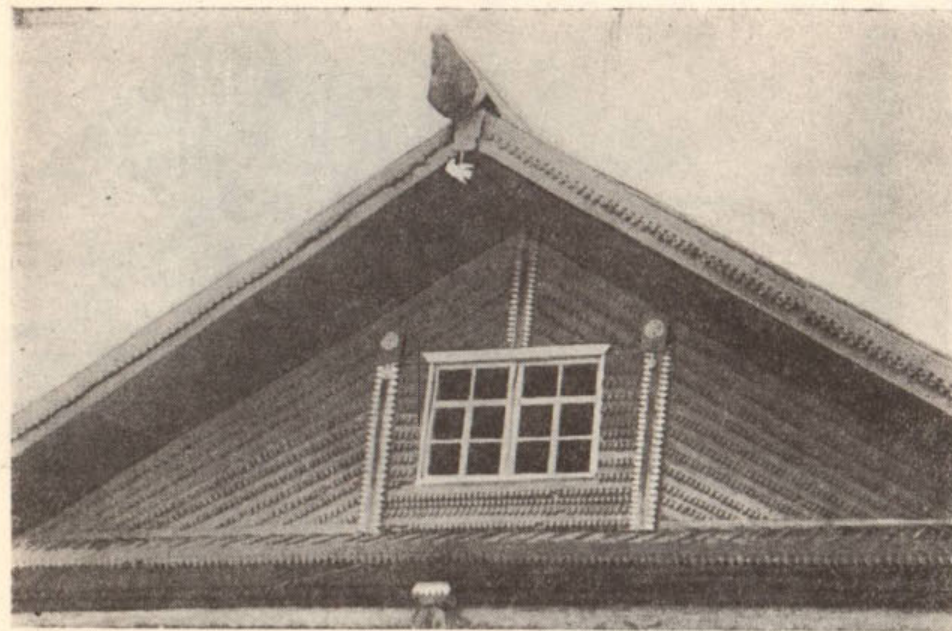
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Р и с. 34. Деталь резьбы на воротах улич (д. Талица, фото 1958 г.).

Р и с. 35. Фрагмент украшен-
ный жилого дома (с. Спас-
поруб, фото 1958 г.).

Р и с. 36. Фронтон дома, ук-
рашенный фигурой голубя
(с. Лойма, фото 1958 г.).

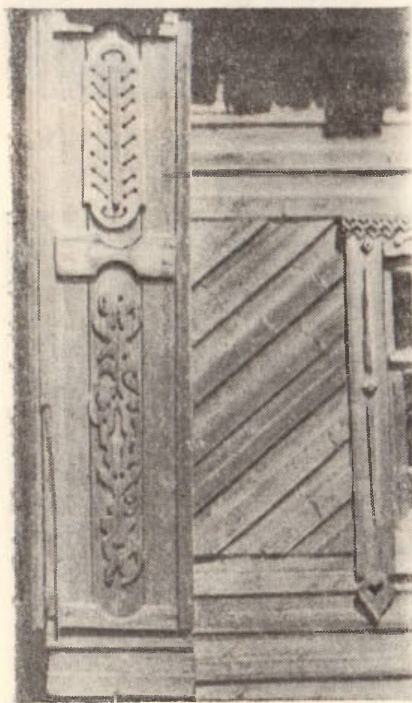

Р и с. 37. Балкон (с. Лозым,
фото 1959 г.).

Р и с. 38. Балкон (с. Лойма, фото 1958 г.).

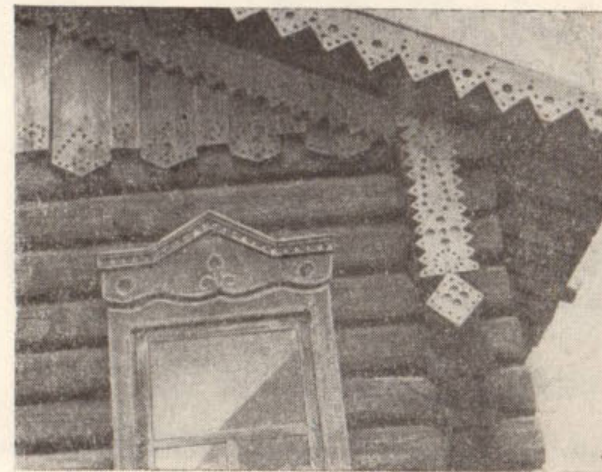
Р и с. 39. Фрагмент дома, украшенного резьбой по обшивке (д. Талица, фото 1958 г.).

Р и с. 40. Изображение коня на охлупне (с. Летка, фото 1958 г.).

Р и с. 41. Жилой дом с мезонином (с. Помоздино, фото 1963 г.).

Р и с. 42. Фрагмент того же дома.

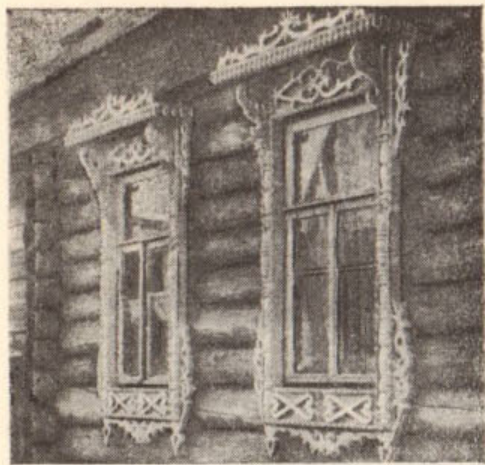

Рис. 43. Резные наличники
(пос. Подтыбок и Кажим,
фото 1959 и 1963 г.).

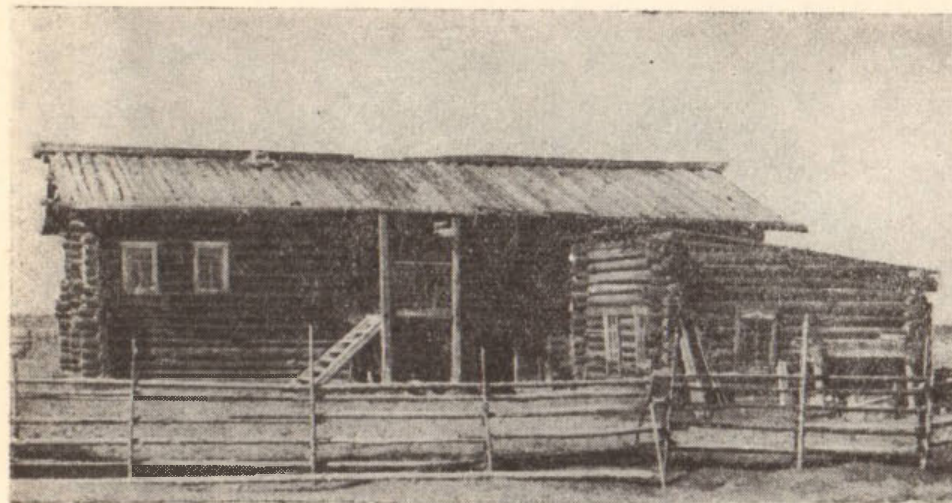
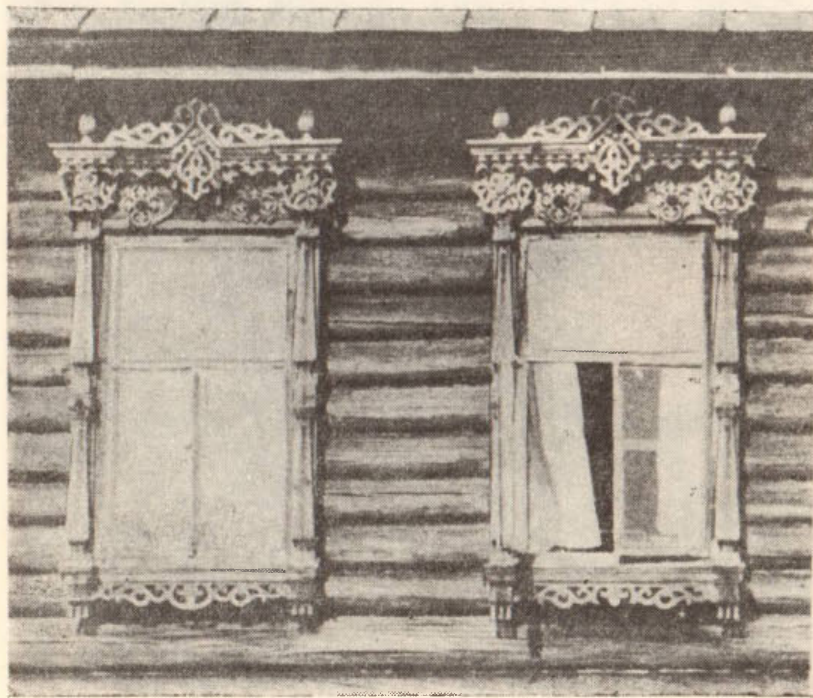

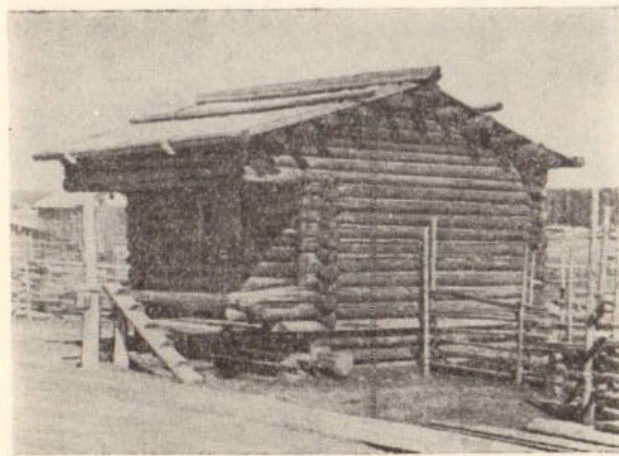
Рис. 44. Характерный тип дома с боковой зимовкой на низком под-
полье (с. Пучком, фото 1954 г.).

Рис. 45. Тип жилища кулака-торговца в конце XIX — начале XX вв.
(с. Важгорт, фото 1954 г.).

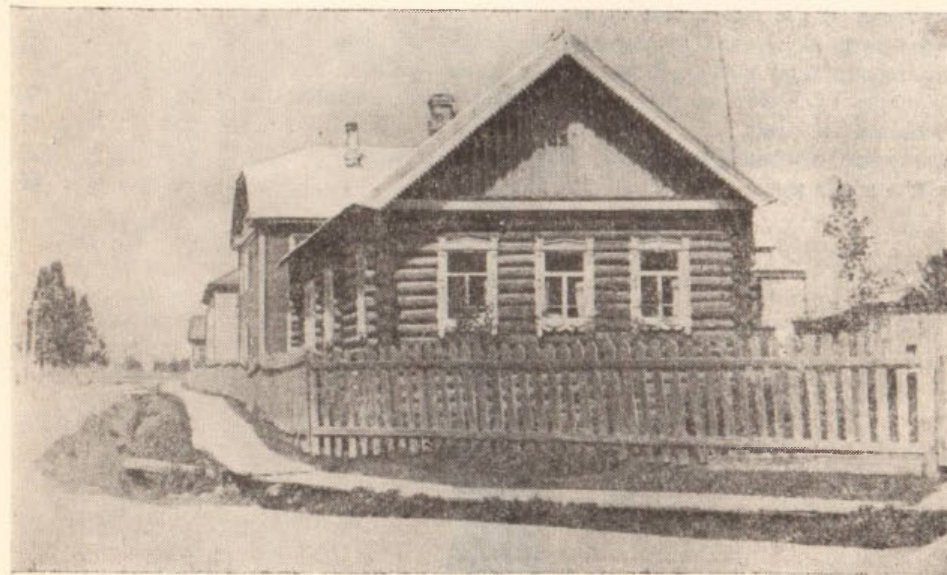
Р и с. 46. Фасад дома
(с. Ваягорт, фото 1954 г.).

Р и с. 47. Амбар (с. Вольдино, фото 1962 г.).

Р и с. 48. Дом, принадлежавший богатому оленеводу и торговцу (конец XIX — начало XX вв.) (с. Ижма, фото Л. С. Грибовой, 1970 г.).

Р и с. 49. Улица в с. Троицко-Печорск (фото 1962 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Памятники народного зодчества и их охрана в Коми АССР	5
Из истории изучения народного жилища коми	10
О времени основания современных поселений	17
Какие типы сельских поселений были прежде в Коми крае	21
Как выбирались названия сел и деревень	25
Куда и как селились наши предки	28
Типы крестьянских усадеб и дворов	38
Материалы и техника строительства	40
Особенности внутренней планировки народного жилища	48
Характерные типы народного жилища в Коми АССР	53
Характерные особенности некоторых хозяйственных построек	69
Украшение жилища	71
Религиозные верования и обряды, связанные с жилищем	75
З а к л ю ч е н и е	85

